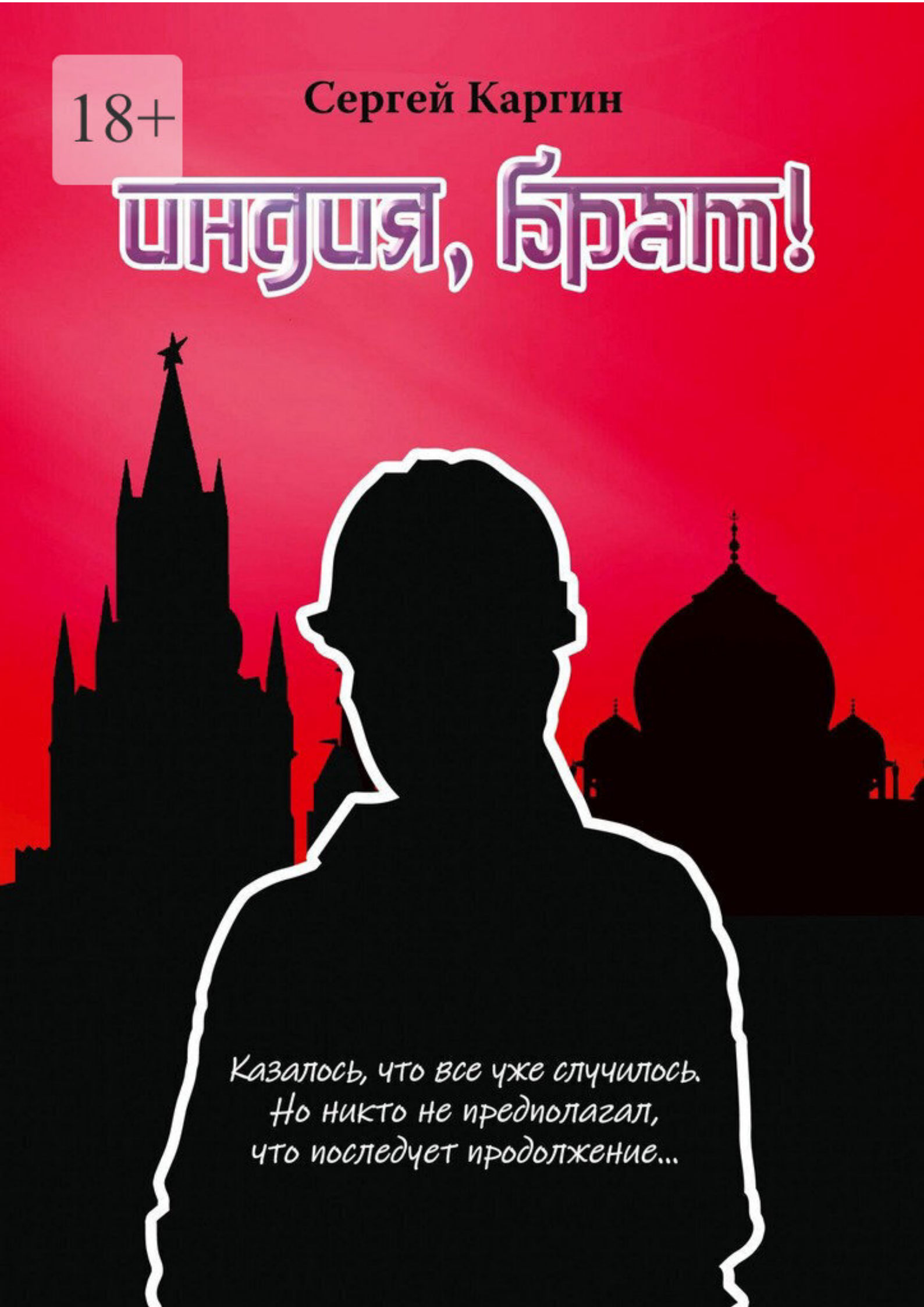

18+

Сергей Каргин

ШНГУЦЯ, БІРАМ!

*Казалось, что все уже случилось.
Но никто не предполагал,
что последует продолжение...*

Сергей Каргин

Индия, брат!

«Издательские решения»

Каргин С.

Индия, брат! / С. Каргин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-688784-8

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Как-то один дипломат, проработавший в Индии пятнадцать лет, с долей юмора высказался об этой стране так: «Тот, кто пробыл здесь неделю — готов делиться об увиденном месяцами; тот, кто находился месяц — думает, что знает все; кто же прожил полгода — вообще перестанет что-либо понимать!» Но, как известно, в любой шутке есть только доля шутки...

ISBN 978-5-00-688784-8

© Каргин С.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Революция	7
Монитор	22
«Сусанин»	27
Квест	35
Клава	40
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Индия, брат!

Сергей Каргин

© Сергей Каргин, 2025

ISBN 978-5-0068-8784-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Это была провокация. В том смысле, что первая книга, предназначенная для узкого круга посвященных, после прочтения вызвала цепную реакцию, выразившуюся в неизменном: «А когда будет продолжение?!» Ироничное отношение к жизни и тем более снисходительное отношение к собственным писательским талантам (вообще-то «талантам» стоило бы взять в кавычки) – первоначально позволили вполне легко и небрежно воспринимать собственное не вполне серьезное творение. Но настойчивый, повторяющийся рефреном вопрос напомнил классическое «мы в ответственности за тех, кого приручили», которое в сложившейся ситуации можно смело перевести в не менее известное «коли назвался груздем...». Тем более что эта провокация была создана самим автором в неопределенном завершении первого опуса.

Историй действительно было немало, и одновременно вытащить из памяти все – задача не такая быстрая по сравнению с тем, когда все изложенное уже представлено пытливому взору в виде печатных знаков на листе бумаги. Конечно, понадобилось некоторое время, чтобы в максимальной достоверности воспроизвести пережитые события – и в этом существенно выручили и помогли сохранившиеся черновые и фотоматериалы. Но, опять же обращаясь к каноническому «обещанного три года ждут», все же нельзя не признать, что данное обещание все-таки выполнено честно и добросовестно. И потому на суд требовательных и взыскательных читателей предоставляется то, что сами и выпросили.

Для тех же, кому каким-то образом впервые попало в руки то, что попало – в самом начале для более полного понимания изложена основная преамбула, ставшая отправной точкой индийских историй, имевших место в наши дни, свидетелем и участником которых и явился автор.

Революция

Для наступления революции... недостаточно, чтобы «низы не хотели»... требуется... чтобы «верхи не могли» жить по-старому.

*ПСС В. И. Ленина. 5-е издание,
26 т. стр. 218*

I

– Николаич, не занят? – поинтересовался Пал Вадимович, заходя ко мне в номер. – Надо бы посоветоваться.

– Нет, конечно, так – ковыряюсь по мелочи, – я откинулся от ноутбука к спинке стула и повернулся к Паше.

В отеле Sonotel, куда мы недавно переехали из отеля Cосооп, номера отличались в лучшую сторону – собственно говоря, из-за чего и произошел переезд.

Сосооп как первоначальное место постоянной резиденции русских специалистов, прибывших в Дханбад для монтажа четырех экскаваторов, в свое время был предложен мистером Бэнерджи. Завод год назад заключил с ним подрядный контракт на монтаж: для завода было проще нанять местных рабочих для сборки экскаваторов, чем засылать и содержать в Индии целую бригаду своих специалистов. Мистер Бэнерджи до этого успешно провел тендер, объявленный угольной компанией ВССЛ на приобретение карьерных экскаваторов, благодаря чему завод впервые за девятнадцать лет получил долгожданный зарубежный контракт. Потому ему же, то есть мистеру Бэнерджи, и доверили следующий этап: набор местных для работы – о чем и заключили договор. Разумеется, монтаж должен был проходить под чутким руководством русских специалистов – для местных эта техника была в новинку. На местных карьерах уже доживали свой век древние американские Р&Н тридцати-сорокалетней давности; причем это были всего лишь пятикубовики, вместо которых русскими предлагались современные мощные десятикубовые машины. Вскоре завод направил в Индию ограниченный спецконтингент во главе с мистером Андреем Юльичем Щукиным: он же «начальник производственного отдела», он же «руководитель проекта», он же «замдиректора индийского филиала».

Именно Юльич еще в 2012 году в преддверии всех договоров обозначился на некогда вспаханном индийском поле, ныне уже основательно подзаброшенном, но теперь наметившимся заводом к активному окучиванию. Как славный Джеймс Кук, впервые высадившийся на побережье Гавайских островов, которое до него еще не топтала нога европейца, так и Юльич после заводского девятнадцатилетнего перерыва ступил на загадочную землю Западной Бенгалии, дабы открыть ее для осваивания во славу пославшего его туда завода. Правда, Юльичу, в отличие от мистера Кука, повезло больше. Как известно, сэра Джеймса Кука местные туземцы встретили с радостью и почетом, изначально приняв его за бога Лоно; но вскоре у сэра, как это часто случается у англичан, в отношениях с местными пошло все не сильно ровно, если не с откровенными перекосами. Что довольно быстро вызвало, как сейчас говорят, определенные озабоченности; причем с обеих сторон. Вследствие чего означенные озабоченности быстро переросли в активную фазу турбулентности, дальнейшую эскалацию напряженности и последовавшую за ней кровавую бойню, в которой Кука туземцы и убили, а после и съели. Правда, про ужин из сэра Кука история однозначно не определилась, но со слов очевидцев известно, что позже туземцы вернули череп Кука, но без челюсти, присовокупив еще что-то от ноги; куда делось остальное – никто так до сих пор не знает, а туземцы объяснять не стали. Конечно, ерничать по факту случившегося не совсем этично, но, как говорится, что было – то было,

и из песни слов не выкинешь. Что поделать – судьба первопроходца всегда непредсказуема и несет в себе определенные риски. Слава богу, Юльичу подобное не грозило по той причине, что на дворе был уже, как-никак, двадцать первый век, и предполагаемый театр действий обозначался вполне цивилизованной территорией, хотя и со своей спецификой. Таким образом, в течение года, с 2012-го по 2013-й, пока шли предварительные урегулирования и оговоренности, Юльич получил более-менее адекватное представление об особенностях ведения местного бизнеса и жизни вообще. И с 2013-го, лично сформировав команду специалистов, прибыл в означенный город Дханбад, что в штате Джаркханд – соседствующий со штатом Западная Бенгалия, чтобы с чистого листа вписать в славную историю завода новую страницу.

Ограниченный контингент определялся минимальным набором специалистов в лице супервайзера – по-русски инженера-механика; сервис-инженера, или инженера по наладке и испытаниям – в народе наладчика; и пары бывших машинистов-экскаваторов – но толковых, грамотных, с хорошим опытом монтажей и с перспективой обучения ими же местных машинистов. В процессе работы предполагались периодические заезды других специалистов для решения текущих задач – но по ситуации.

На деле заезды неосновного состава носили характер весьма оживленный – ввиду активного любопытства со стороны управленцев завода и новизны региона; что, впрочем, привнесло нотку разнообразия в монотонные индийские будни, ежедневно замыкающиеся на двух направлениях; карьер – отель – карьер. В этих краткосрочных визитах был свой плюс: приезжий народ периодически подвозил с Родины, начинавшему уже дичать в джунглях основному персоналу некие элементы ностальгии в виде черного хлеба, селедки, сыра, колбасы и гречки, коих в местных условиях было не найти.

Местом дислокации для всех был все определен отель Сосооп.

Находился он практически в центре Дханбада, недалеко от железнодорожного вокзала. Там же, через виадук на другую сторону, можно было попасть в район оживленной торговли в виде бесконечных магазинчиков, лавок, ресторанчиков и суетящегося народа. Сам отель упирался в стык оживленных и круглосуточно клаксонящих улиц. По этой причине окна в номерах были задраены наглухо, из-за чего грязные невымытые стекла, засиженные мухами и затянутые вековой паутиной с засохшей в ней листвой, дневной свет пропускали едва; а пробивающиеся слабые его остатки окончательно гасли в панелях шоколадного цвета, коими были обшиты все стены отеля и номеров. Но при этом глухая задраенность окон с хилыми алюминиевыми рамами хоть как-то приглушала звуковую вакханалию с улиц; и с ней в некоторой мере аммиачные ароматы, проникающие в отель не только с парадного входа, но и со сторон, выходящих на боковые улицы и особенно во двор. При этом единственным источником поступающего в номер воздуха служил оконный кондиционер, в последних конвульсиях едва справлявшийся с возложенными на него обязанностями. Ресторан, располагавшийся на самом верхнем этаже, веселостью убранства не отличался также. Но при этом с успехом кормил не только посетителей ресторана, но и нагло снующих по отелю размером с камышового кота крыс – отъевшихся на местных харчах ресторанной кухни, куда любопытствующим однозначно не стоило бы даже пытаться заглянуть, дабы не утратить окончательную веру во все светлое и доброе. Эти постояльцы чувствовали себя в отеле полноправными хозяевами – что вполне соответствовало действительности, потому что, в отличие от меняющихся посетителей, откормленные жильцы однозначно не собирались куда-либо съезжать с насиженного места. Их и здесь кормили неплохо. Более того, несмотря на свой упитанный вес килограмма в три-четыре, они настолько обжились в окружающем пространстве, что довольно ловко научились перемещаться по всему отелю, используя для этого систему внутренней вентиляции и попадая таким образом в любое, даже самое глухое, место отеля.

– Я сегодня ночью чуть со страха не умер, – сообщил всем как-то Ваня за завтраком.

Ваня вместе со своим братом Саней как раз и были теми самыми машинистами, заключившими с заводом годовой контракт на монтаж.

– Представляете?! Я ночью проснулся от ощущения, что на меня кто-то смотрит. Открыл глаза – а в темноте прямо на навесе над кроватью сидит здоровенная крыса и, свесив башку вниз, смотрит на меня не мигая! Хвост – чуть не с полметра! Висит и так лениво мотыляется! Жуть!!! У меня чуть сердце не остановилось! Страх как не терплю всю эту живность! В меня сейчас даже завтрак не лезет! Как вспомню эту морду! – помолчав, передернулся Ваня. – Сегодня наберу газет и буду затыкать дыры в стенах!

Не помогло – через пару дней крысы все газеты сожрали.

После моего прибытия в Дханбад – где-то через месяц – Юльич, он же «руководитель проекта», засобирался домой: отдохнуть с месяцок, набраться сил и порешать кое-какие вопросы. Заодно прихватив с собой супервайзера-механика Толика Бруса: начальник не любил ездить один и старался окружить себя сопровождающими, возглавив колонну, состоящую пусть даже из одного лица. Вообще, «отдохнуть, набраться сил и порешать вопросы» Юльич осуществлял с завидной регулярностью один раз в два-три месяца; в отличие от братьев, которым контрактом предписывалось сидеть в Индии год безвылазно.

Незадолго до отъезда начальника я, пользуясь правом новичка, как-то за завтраком задал вопрос:

– А какого лешего мы сидим в этом отеле, деля отельную баланду вместе с крысами, которые, на секундочку, недавно ночью едва не сожрали живьем Ваню?! И теперь, вполне вероятно, они могут взяться уже за любого из нас! И не перебраться ли нам в более-менее приличный отель, который, вполне вероятно, можно найти даже в таком месте, как Дханбад?

Поднятый вопрос оказался настолько актуальным, что под давлением немногочисленного русскоязычного community Юльич снизошел до рассмотрения другого отеля, – но! – после его убытия на Родину. А по возвращении в Дханбад он не возражает против того, чтобы влиться в новую, более приличную обстановку.

Таким образом произошло переселение в Sonotel, куда после отъезда «руководителя проекта» прибыл уже и Пал Вадимович: заменить ушедшего на Родину мистера Щукина.

Будучи по должности начальником регионального отдела, Пал Вадимович тем не менее не любил отсиживаться и чахнуть в офисе – его неумная душа требовала простора и движения. И при каждом удобном случае он старался свинтить за пределы завода на вольные просторы – благо графики монтажей по всей стране и за ее пределами он составлял сам. Поэтому неудивительно, что, несмотря на свой вполне молодой возраст, он уже имел порядочный опыт работы в разных условиях и регионах: тем более что Пал Вадимович в отелях не зависал, а работал в поле со всеми наравне, уделываясь в мазуте и грязи по самую маковку.

Sonotel разительно отличался от прежней локации. Размещался он в торговом комплексе Big Bazar. Номера занимали два этажа – шестой и седьмой, выше на крыше восьмого этажа находился открытый ресторан «Тропосфера»; ресепшен и ресторан с баром – ниже на пятом. А еще ниже – с первого по четвертый – занимал сам торговый комплекс. Окна в Sonotel уже открывались – что не могло не радовать, номера были окрашены в светлые тона, кондиционеры встроены во внутреннюю систему, крыс замечено не было. Весь комплекс был построен относительно недавно и пользовался большой популярностью у местного населения. И по какой причине почти год коллеги обитали в Сосооп – оставалось загадкой. Ответ на которую, впрочем, мы получили значительно позже.

– Есть одна мысль... – начал Паша.

Я обратился во внимание.

Методы и стиль работы Пал Вадимыча существенно отличались от заведенных порядков Юльича – это отметились с первых дней. Пал Вадимирович занимался делом. Практическим. Заменяв начальника, он для начала определил рамки дозволенного: не являясь любителем «отдыхать» каждый день по вечерам после работы, сразу объявил, что за подобные «отдыхи» – кроме выходных – последует немедленная почетная депортация на Родину. Кроме того, Паша не отсиживался в отеле, на почве чего у него с братьями на рабочей площадке периодически возникали диспуты по технологии монтажа: сказывалось то, что каждый имел свой весьма немалый опыт; а, как известно, у каждого мастера в работе есть свои подходы и фишки. Лишних бумажек от народа Паша не требовал – только по делу. И еще Паша не орал – он вообще умел общаться, не повышая голос. Даже с Шудипто: что было вообще из области невероятного, потому что транслейтер зачастую в пылу – пусть и редко накатывавшего на него, и слава богу! – выплеска энергии мог наворотить такого, что только исключительно нечеловеческим усилием воли удавалось удержать свою руку, чтобы не вклеить транслейтеру леща в качестве отрезвляющего аргумента. Срабатывал внутренний тормоз: «Транслейтер, как тапер, один: убить можно – но другого не пришлют!» – на чем этот змей периодически умело и спекулировал.

– Короче, так, – собрался с мыслями Пал Вадимович, – как ты смотришь на то, чтобы нам совершить революцию?

– С этого места поподробнее! – уже с нескрываемым интересом посмотрел я на него.

– Я предлагаю сместить Упадью.

II

К этому времени мы в работе подошли к этапу перехода на гарантийный период – все четыре экскаватора были собраны и сданы в эксплуатацию. В ознаменование чего мистера Бэнерджи, мягко выражаясь, подвинули; а проще говоря, дали коленом под зад. Зажрался.

Суть в том, что в процессе монтажа он для работы набрал местных из ближайшей деревни – это было понятно для него, но не для нас. Деревенские мистером Бэнерджи были набраны по закону Парето и исключительной дешевизны. Неизвестно, знал ли мистер Бэнерджи про этот закон или нет, но применил он его исключительно правильно. Возможно, он действовал из чисто ментальных индийских соображений: исходя из статуса индийской деревенской общины, имеющей абсолютное право распоряжаться колхозной землей по своему усмотрению. Дело в том, что площадки, где собирались экскаваторы, попадали под территории деревенской общины. За что вся деревня, естественно, тут же выставила угольной компании определенные условия. Вот одним из условий и являлся прием на работу этих самых деревенских – и не имеет значения, могут ли они чего или не могут, умеют ли они кроме буйволиных хвостов крутить гайки или не умеют – пофиг. Моя земля – моя власть! А если принять во внимание, что к «порешать проблему» тут же традиционно подписывается местный «политик» типа малиновых пиджаков из российских 90-х, то все сомнения, кого брать на работу, мигом снимаются.

Потому монтаж бомбился в основном специалистами завода; а местные «специалисты» из соседнего колхоза сидели и любовались. Так что вопрос, от кого пошла поговорка: «Можно долго смотреть на текущую воду, горящий огонь или то, как работают другие» – от китайцев или индусов, – для науки остается открытым. При этом мистер Бэнерджи в пылу трудового энтузиазма дошел до того, что прямо под собирающимся экскаватором выставлял шезлонг, усаживался в него, как английский лорд, и начинал указывать русским, что и как делать. То есть закон Парето работал на полную катушку: при усилии в двадцать процентов достигался результат на все восемьдесят. Разумеется, за счет восьмидесяти процентов русских. Русских бесило. И они шли к начальнику. Тогда начальник проводил очередной сеанс психологической терапии в виде совместного ужина. Правда, на нем по установленному самим же начальни-

ком железобетонному правилу было категорически запрещено упоминать о работе. Слабовольным немедленно выписывался штраф в размере пятисот рупий – тариф, лично установленный опять же властной рукой начальника. Но оно и понятно: дисциплина – она и в Африке дисциплина; как сказал Клаузевиц, «успешная стратегия требует дисциплины и твердого характера». К тому же на Юльиче, как «руководителе проекта», постоянно висела досадная обязанность, которую подчиненные, не видевшие дальше собственного носа, не брали в расчет – это своевременный доклад генеральному в Питер о соблюдении графика монтажа и сдаче экскаваторов. То есть – результат. Но иногда во время сеанса психологической разгрузки случались срывы. И тогда в разгар ужина на обеденный стол летела пятисотрупиевая бумажка, и метатель получал вполне законное выкупленное им право вывалить на голову начальника накопившееся и наболевшее от всей своей измученной и истерзанной вдали от Родины души. Начальник не моргнув глазом стойчески воспринимал демарш, а общак пополнялся и распухал на очередные пятисот рупий: вырученные средства откладывались для очередного сеанса психотерапии.

Так и шло. Пока русские матерились, но вламывали на монтаже, а «руководитель проекта» мистер Юльич на пару с мистером Бэнерджи по вечерам под отельным кондеем потягивал вискарик, реализуя на практике высокую дипломатию и искусство системы сдержек и противовесов, которым Юльич овладел на заводе в совершенстве для столь необходимого в больших трудовых коллективах личного выживания; а ныне уже применительно к мистеру Бэнерджи, дабы он в своем энтузиазме не сильно зарывался – оный монтаж и закончился. Но осадочек остался. Вместе с этим к концу монтажа в Дханбаде появились другие люди с другими интересами. Эти самые интересы и явились тем волшебным пендалем, влетевшим быстро и четко по адресу, прямо во время празднования, проводимого по случаю сдачи последнего экскаватора в ресторане «Тропосфера», что на восьмом этаже Big Bazar. Тем не менее заслуги мистера Бэнерджи высокими сторонами были оценены по достоинству, в доказательство чего ему была торжественно вручена фотография русского экскаватора в рамочке и пожата рука. Которую, как утверждают злые языки, он потом в остервенении долго тер с мылом в туалете ресторана.

Но, как известно, свято место потому и свято, что не бывает пусто; иначе оно уже и не свято. И на освободившееся, но еще не остывшее от мистера Бэнерджи теплое во всех отношениях место восхищенной публике явили мистера Упадью. С чем мистера Упадью торжественно и поздравили.

Получилось почти по Владимиру Семеновичу Высоцкому:

Что ты делал? – как ты спасся?
Каждый лез и приставал,
Но механик только трясся
И чинарики стрелял...

В том смысле, что как в бизнес с русскими влез мистер Упадья – или «спасся», и что или кто протянул ему руку братской помощи, спасая доставшийся ему в наследство от отца разваливающийся цементный заводик и весь трещавший по швам семейный бизнес – то истории неизвестно; хотя слухи ходят разные. Но то не суть. Суть в том, что мистер Упадья с достоинством подхватил упавшее из рук мистера Бэнерджи знамя и с лозунгом «Русси-Инди – бхай бхай!» – что в переводе с хинди означает «Россия и Индия – братья навек!», с энтузиазмом поволок его в том же направлении, что и предшественник. То есть в продолжение дальнейшей реализации закона Парето. Но теперь уже в период гарантийного срока.

Условия гарантии можно было смело приравнять по смыслу к понятию золотого стандарта: в гарантии четко прописывались допустимые часы простоя или поломок, санкций, обязательств и ответственности. За превышение допустимых часов и всего перечисленного от индийского заказчика в адрес завода следовала немедленная кара в виде штрафов, местный разнос самим «руководителем проекта» своих подчиненных русских специалистов и даже угроза их высылки с хлебного места – то есть депортация на любимую Родину. Гарантийка снова, как и монтажи, была кровь из носу нужна Юльичу как руководителю – то, для чего он здесь и был поставлен. В противном случае возникал вопрос о состоятельности и профпригодности самого «руководителя проекта». Что по определению являлось абсолютным оксюмороном – подобную не то что мысль, а даже намек все мироздание Вселенной допустить просто не могло.

Перевод же стрелок на находящуюся под рукой банду подчиненных с аргументацией их крайне низкой пролетарской сознательности, непонимания общей политической ситуации и в целом вообще не прокатывал однозначно по причине того, что данный метод управления вверенным коллективом хоть и имеет широкое применение, но однозначно не являлся методом Юльича. С подчиненными начальник разбирался сам и порой мог это реализовывать весьма жестко. Да и понятно, такой стиль, когда все шишки сваливаются на подчиненных, репутация любого начальника в перспективе не поднимает однозначно – ибо тогда уже к начальнику могут возникнуть вопросы с намеком на известное «каков поп, таков и приход». Про Юльича все знали: подчиненных Юльич подбирал сам, выискивая самых лучших. Естественно, не отменяя для себя руководящую и направляющую роль по отношению к колеблющимся, морально неустойчивым, слабохарактерным и случайно переобувшимся в воздухе. И тут, как говорится, вариантов может быть только два: или запрети, или возглавь. Логично, что и сформировать вокруг себя группу поддержки, аналогичную чирлидингу, Юльич не забывал: короля всегда окружают гвардейцы – так и престижно, и на всякий случай безопасно, да и просто красиво. Попасть в группу чирлидинга было непросто – для этого необходимо было соответствовать ряду требований, суть которых Юльич не афишировал. Безусловными, конечно, являлись личная преданность и лояльность. О ряде иных качеств по этическим соображениям распространяться, наверное, не стоит, но то обстоятельство, что чирлидеры все-таки не использовали пипидастры, несколько смягчало критическое отношение ко всей группе поддержки. Из элитарного состава чирлидеров можно было очень легко вылететь – достаточно было по какой-либо причине получить «черную метку» в виде формулировки «за утрату доверия». По индийской иерархии свершившийся факт можно было приравнять к переводу в парии, пополнив ряды «слесарюг». По японской – получивший метку должен был совершить сеппуку.

Потому недобрая тень риска, граничащего с игрой в русскую рулетку, постоянно витала в воздухе, как дамоклов меч над головой. И все это тоже вносило определенную нервность в общую атмосферу.

Согласно вновь заключенному договору на подрядные работы уже с мистером Упадьей, завод из Питера должен был на регулярной основе перечислять ему энную сумму денег. Первые несколько месяцев завод не особо спешил раскошелиться – возможно, проверяя вновь испеченного контрагента на лояльность и благонадежность, или завод просто зажал денег, и было мало самим; но спустя некоторое время деньги пошли, и мистеру Упадье стало хорошо. Настолько хорошо, что мистер Упадья с ходу прикупил себе кроссовер Audi Q7, отчего у местных бандитов полезли глаза на лоб, потому что даже они себе такого не позволяли; следом, не затягивая, Упадья шиканул вместе со всем семейством пару недель в Дубае; и после чего деньги и кончились. Не пошло другое – его набранные работники. У мистера Упадьи данный контингент перед приемом на работу проходил интервью по тому же принципу, что и у мистера Бэннерджи: из тех же деревенских и так же за максимально дешево. Но поскольку

гарантийка больше всего была нужна русскому начальству, то спецконтингент из России продолжал вламывать и днем и ночью – но уже не на монтаже, а в период гарантийки. Что, вполне логично, особого оптимизма спецконтингенту не добавляло: ибо на горизонте откровенно и цинично замаячил день сурка. Только с перспективой на год. Несколько спасало то, что часть толковых индусов – из старой гвардии – по настоянию русских перешли к мистеру Упадью; и на должности низового инженерно-технического звена пришло несколько толковых человек: мистер Мукеш, мистер Сону и транслейтер от Бога и какой-то матери Шудипто-Дей. Но половину рабочего персонала из прежнего состава, к этому времени успевшего уже хоть чему-то научиться и желавшего остаться и работать дальше, мы потеряли: зарплаты, предлагаемые им в новой конторе, мистер Упадья срезал почти вполовину; других просто уволил. Людей стало катастрофически не хватать. Работали опять же русские. Если было на чем доехать. На всю подрядную контору в наличии имелась одна полуживая «Махиндра», которой пользовались все – согласно положению: «Кто первый встал – того и тапки». К тому же мистер Упадья в короткий срок умудрился переругаться с руководством угольной компании – из-за вполне объективных претензий с их стороны, касающихся качества выполняемых работ. Кончилось тем, что угольная компания просто запретила конторе мистера Упадья вообще появляться в карьерах. Кроме русских. Но без переводчика: мистеру Шудипто посещение карьеров запретили также по причине, что он индус; а все индусы мистера Упадья по резолюции ВССЛ подлежали обструкции и автоматически переводились в разряд парии – то есть неприкасаемых.

Тем временем тест-драйв, устроенный экскаваторам местными операторами по методу краш-теста, давал о себе знать – поломки сыпались как из рога изобилия. Как правило, чисто по идиотским причинам от самих операторов. Особенно доставалось механике: напорные и подъемные канаты рвались с регулярностью от одного до двух раз в неделю; кабельные барабаны ударом шестнадцатитонного ковша сносились влет, словно картонные; напорные площадки героически принимали на себя обрушившийся негабарит многотонной породы; лестницы свинчивались в штопор... Ваня с Саней стойчески принимали на себя удары, бесились от бестолковости местных операторов, но ничего поделать с этим не могли. Юльич всякий раз посылал их в бой, как Гитлер посылал Манштейна в Сталинград для вызволения Паулюса; других резервов у начальника просто не было.

А с учетом того, что после гарантийного периода, согласно договору с угольной компанией, следовал MARC-контракт на шестнадцать лет – то есть контракт на работу с угольной компанией под контролем русских специалистов – так дальше продолжаться не могло.

Недели с две Пал Вадимович присматривался и принял решение.

– Надо убирать Упадью, – повторил Паша. – Так дальше работать нельзя: имея по договору подрядную организацию и при этом тянуть всю работу самим – невозможно и неправильно.

– И что ты предлагаешь? – заинтересовался я.

– Революцию. Только всем вместе – или все, или никто.

– Каким образом ты себе это представляешь?

– Надо писать на завод об истинном положении вещей.

– Тогда это должно быть чем-то весомым, а не просто «спасите – помогите», – рассудил я.

– А мы составим полное описание технического состояния по каждому экскаватору.

Подробно по всем пунктам: ты – по электрике, Саня с Ваней – по механике, Альберт пусть и не особо при делах – но по централизованной системе смазки вполне может. Но чтобы все согласились и поставили подписи под расширенным актом о техническом состоянии экскаваторов. Или все – или никто.

– Допустим, все согласятся, – задумался я. – Но немаловажное значение имеет то, кому это все попадет на заводе в руки. Надо знать, кому это интересно или, наоборот, кто может это все засунуть под сукно. Сам знаешь – на заводе у всех свои интересы.

– Знаю, – улыбнулся Пал Вадимович, – и я знаю, кому стоит переслать. При этом мы отправим нескольким адресатам – каждый из которых заинтересован продемонстрировать перед генеральным свою осведомленность, шелкнув по носу всех остальных.

– Это уже война, – понял я.

– А мы где? – снова улыбнулся Паша. – А на войне как на войне!

– Тогда есть риск, что при нашем неправильном расчете нас всех отсюда просто уберут, – напомнил я вполне вероятную перспективу.

– Ты боишься? – посмотрел на меня Паша.

– Нет, мне пофиг – всегда был белой вороной, – усмехнулся я в ответ.

– И мне все равно – уберут, ну и уберут. Но так работать я не хочу.

– Согласен, – подтвердил я.

– Тогда я пошел по номерам опрашивать каждого: готовы ли ввязаться в авантюру, – поднялся Паша.

– Только обрисуй каждому, что в случае неудачи мы все можем отсюда вылететь. Все должны понимать степень риска, – предложил я.

– Разумеется, играем в открытую, нам тут точно делить нечего. Я потом к тебе зайду, – согласился Паша и вышел.

Через некоторое время по внутреннему телефону позвонил Паша:

– Серега, подтягивайся к Альберту: все согласны. Сейчас соберемся и наметим план действий.

Альберт у нас был из непостоянного состава и вообще-то являлся «главнокомандующим» по Узбекистану: поскольку с Узбекистаном завод давно и плотно сотрудничал, то там постоянно требовался представитель от завода – кем Альберт и являлся. В Дханбад же его срочно торпедировали по той причине, что в процессе уже начавшейся эксплуатации на одном экскаваторе вылез косяк – в основании двуногой опоры пошла трещина. Брачок, не замеченный на заводе при отгрузке: или заметили, но просто было некогда, и потому брак замазали краской и отправили в Индию с благословением: «Ну, там сами как-нибудь...» Для оценки масштаба бедствия и принятия решения по вопросу «и че теперь делать?» завод срочно и перекинул мистера Альберта, являющегося не только хорошим инженером-механиком, но и классным сварщиком. Вариант «два в одном» существенно облегчал руководству решение возникшей проблемы, традиционно следуя в плотной связке с уже ставшим каноническим «ну, вы там сами что-нибудь придумайте...». Тем более что у Альберта на ближайший месяц в Узбекистане было затишье. Да и, судя по всему, на заводе, глядя на карту, увидели, что из Узбекистана до Индии однозначно ближе, чем из Питера; и, вообще, в Питере всем некогда, и потому – вот.

В номере у Альберта засиживаться долго не стали: все знали положение дел. Потому просто определились, что каждый описывает ситуацию по своей части. А Паша на этом основании – общую картину. Приступить было решено немедленно и через час в письменном виде предоставить Паше записки – можно в черновом варианте.

Около десяти вечера у меня раздался звонок:

– Не спишь? – поинтересовался Пал Вадимович.

– Да рановато вроде, – глянул я на часы.

– Слушай, тогда, может, зайдешь ко мне? В две головы сподручнее мысли формулировать. Надо все изложить простым, но технически грамотным языком – чтобы на заводе любой понял: даже то, что не касается его направления, – пояснил он.

Часа в два ночи письмо было составлено: на нескольких листах формата А4 излагалось текущее положение в индийском филиале в Дханбаде, ситуация с подрядной организацией, подробное техническое состояние техники, условия работы специалистов завода и общий вывод. Письмо Пал Вадимович отправил нескольким адресатам в управление завода. Расчет был прост: перед утренним совещанием у генерального директора каждый руководитель просматривал почту: чтобы на совещании предоставить актуальную информацию. Зачастую касающуюся не только своего направления, но и коллег – что иногда предпочтительнее: усть чисто по-товарищески коллегу, на мгновение выпавшего из информационного поля – это ли не путь к процветанию любой компании или предприятия? Оно и понятно: искусство эффективного менеджмента – это вам не пальцы обос... фальт! Тут – тоже! – своя система сдержек и противовесов.

И хотя я лично не любитель подобных акробатических этюдов, но с кем поведешься – от того, как говорят, и забеременеешь. У нас же в сложившейся ситуации и особого выбора не оставалось: либо попытаться поставить все на правильные рельсы, либо пасть безвестно в глухих джунглях вдали от Родины без почестей и салютов и даже без православного крестика на могилке.

Опять же, как у Владимира Семеновича:

Что нам осталось уколотся,
И упасть на дно колодца,
И там пропасть на дне колодца,
Как в Бермудах, навсегда...

Следующие дни мы занимались плановым обслуживанием и текучкой. А еще через несколько дней выстрелило.

Пашин расчет сработал. Служебное письмо, направленное нескольким фигурантам одновременно: причем так, что в рассылке каждый видел других адресатов – засунуть под сукно уже было невозможно. В такой ситуации для контрагентов остается единственно выигрышное действие: кто первым озвучит генеральному свежую информацию – тот и красавчик! Тому и медаль на грудь! А остальным на вид! Чтобы ртом не ловили понятно что.

Озвученное письмо произвело на совещании эффект ядерного взрыва в миниатюре. Оно и понятно: впервые за девятнадцать лет завод протащил зарубежный контракт, на который возлагались очень серьезные надежды! Именно ради выхода на зарубежные рынки, чтобы заявить о себе и создать хорошую репутацию, завод пошел на беспрецедентные условия при комплектации экскаваторов и заключение шестнадцатилетнего – а это полный срок службы экскаваторов! – MARC-контракта, который заводу-то и не особо был выгоден. До этого тактика завода не отличалась разнообразием и шла по сценарию: продали оборудование – пережили гарантийку – и... забыли, то есть «напал – загрыз – убежал». Да, только не в это раз. Потому и сработало.

III

– К нам комиссия едет, – сообщил всем Паша за завтраком спустя несколько дней. – Мирнов с главным конструктором Меликовым; и с собой берут Жору в качестве переводчика: у него английский как русский.

Мирнов был директором индийского филиала – то есть нашим непосредственным начальником. Про Жору мы знали только то, что он тянул в Иране гарантийку вместе с Ваней Маковым по буровым станкам: иранцам продали две штуки пару лет назад. Время гарантийки

закончилось, и Жору с Ваней переориентировали на индийское направление. Но для начала – для переговорного процесса: похоже, разговоров предвиделось более чем, причем на всех уровнях. Процесс, судя по всему, начал трогаться с места – пока как застарелое ржавое колесо: медленно, со скрипом, нехотя и с трудом сдвигающееся с насиженного и ставшего уже родным прикипевшего места, и готовое в любой момент – если его не начать подпихивать – остановиться. Но то, что едет еще и Меликов, уже наводило на мысли о серьезности намерений руководства. Нам оставалось ждать.

Через несколько дней делегация в означенном ранее составе прибыла – с их слов стало известно, что послание из индийского филиала, на который генеральный возлагал радужные надежды, произвело на него неизгладимое впечатление: что и подтверждалось скоростью прибытия посланцев. Мистера Шукина генеральный приказал пока в Индию не запускать: дабы с места получить реальную картинку – видать, закралось в душе некое смутное несоответствие с предыдущими бравыми рапортами про индийские трудовые достижения, уверенно ведущие семимильными шагами завод в светлое будущее международных рыночных отношений.

В первый день Мирнов и Меликов собрали всех для того, чтобы выслушать все более детально. После чего пришли к выводу, что разговор без Упадьи не имеет смысла. Было решено вызвать его на общий разговор: в конце концов, мы заказчики, а он исполнитель – вот и пусть рапортует нам об успехах и достижениях индийско-российского сотрудничества.

На следующий день все собрались в отельном конференц-зале. Явка для мистера Упадьи была строго обязательна. Начал Мирнов:

– Давайте для начала я зачитаю служебное письмо от нашего персонала в дирекцию завода.

И он принялся за письмо. Мистер Жора переводил для мистера Упадьи на английском: совещание было решено проводить в закрытом режиме – только русские и Упадья. Все русские были настроены кардинально: подрядчика надо менять!

По мере того, как Мирнов читал, а Жора переводил – до мистера Упадьи стала доходить вся серьезность ситуации. Постепенно в полной мере стало проявляться осознание того, что работавшие с ним русские совсем не те безропотные индусы, которым он влегкую срезал зарплаты или просто выгонял. И то, что он по привычке изначально поставил русских на одну доску с деревенскими «специалистами», с которыми можно вообще не считаться, оказалось с его стороны весьма опрометчиво. Формулировки и четкость изложения, бесстрастно переводимые Жорой, служили тому доказательством. С каждым пунктом письма у мистера Упадьи становилось все меньше и меньше шансов попытаться решить все полюбовно: стандартная формулировка типа «простите засранца – я больше не буду!» по причине откровенно нескрываемой злости сидевших вокруг русских явных перспектив не имела. Вероятно, в памяти мистера Упадьи в этот момент всплыли давние прапрадедушкины рассказы, перешедшие в семейных хрониках еще от англичан, о варварстве русских казаков, проживающих в лютой Сибири в обнимку с медведями и под балалайку употребляющих на завтрак младенцев, запивая их кровью бабушек. И от этого становилось вдвойне жутко. Тем более что коварные русские предусмотрительно посадили мистера Упадью в дальнем торце совещательного стола, сами усевшись с противоположной стороны и перекрыв собой единственный выход. Это был конец.

– Так, – оторвался Мирнов от письма, закончив его читать. – Что ж? Предоставим слово для объяснений мистеру Упадье?

– А чего его слушать? Что он может сказать? – возразил Ваня. – Все и так понятно: надо менять подрядчика!

Жора перевел.

Лицо мистера Упадьи вытянулось.

– Менять подрядчика! – поддержал Саня брата. – С него толку никакого! Ездить на работу не на чем! Одна машина – и та разваливается!

– Где хелперы? Людей до сих пор не набрал! Все сами за всех делаем!

– Когда электриков примут на работу?! Кого обучать?!

– Даже договора с оставшимися не стал заключать! Люди не знают, за что работают!

– Бригад нет дежурных! Сами за них работаем!

– Да вообще дежурных смен нет!

– Сайт-офис до сих пор не поставил! На улице сидим!

– Что со складом?! Все запчасти лежат под дождем! Ржавеют!

– Где он вообще будет и когда?!

– Когда площадка под ремонт появится?!

– Почему у рабочих нет инструмента?! Голыми руками работают!

– Так они вообще босиком ходят! По горящим углям в карьере! Сам бы походил!

– Почему новые запчасти не закупаются?! Завод деньги перечисляет! А нет ничего!!!

– Свалил на нас всю работу, а сам по Дубаям рассекает!

– Экскаваторы не смазываются! Там уже износ запредельный!

– Из аварийных ремонтов не вылезем! Только и успеваем, что дыры латать!

– Уборщики где? Экскаваторы грязью заросли!

– Почему оперативные журналы не ведутся?! Ничего не знаем, что было?!

Претензии посыпались – как нарядное и веселое конфетти из новогодней хлопушки; Жора едва успевал переводить. С каждой фразой мистер Упадья сжимался, словно от ударов бамбуковой палкой по пяткам. Его чернявая голова окончательно поникла на грудь; бледность, несмотря на природную смуглость лица, стала пробиваться явно и была уже заметна невооруженным глазом; он нервно теребил под столом дрожащие руки, повисшие в бессилии, чтобы поднять их и смахнуть со лба россыпь предательски поблескивающих бисеринок пота. Губы его в легкой судороге периодически поддегивались – видимо, в попытке как-то оправдаться; но ни единый звук так и не вырвался из его уст.

– Менять подрядчика! – единодушное мнение ввергло мистера Упадью в полуобморочное состояние. В ответ он уже даже не пытался что-либо сказать.

Мирнов попробовал перевести встречу на высоком уровне в дипломатическое русло, попытавшись протолкнуть формулу мира: дескать, давайте дадим подрядчику испытательный срок – пусть все учтет, подумает и исправит. Но данный меморандум произвел эффект бензина, щедро вплеснутого из канистры в горящий костер. Вспыхнули нешуточные дебаты. Градус совещания раскалился добела. Ваня в своей категоричности требовал расторжения договора с Упадьей; Саня однозначно был на стороне брата; Альберт пусть не в столь жесткой форме, но тоже поддержал отставку подрядчика; Пал Вадимович, по жизни придерживающийся конкретного принципа «или работай, или пошел вон», свою позицию не скрывал изначально; как, впрочем, не только для Упадьи, но и для всех без исключения. Мирнов, как директор филиала и потому имеющий преимущество в два совещательных голоса и используя право вето, попытался привести всех к консенсусу и нивелировать позицию партии войны мирными инициативами в виде последнего шанса не оправдавшей доверия креатуры. В результате разбушевавшихся страстей Ваня не выдержал, плюнул и выскочил из совещательной комнаты. Следом за ним совещание покинул Саня. Попытка Мирнова спасти мистера Упадью стала разваливаться на глазах. На мистера Упадью было жалко смотреть – недавний недосыгаемый босс, владелец еще не прошедшего обкатку новенького кроссовера Audi Q7 и уже хиревшего, но пока еще живого цементного заводика попытался что-то в свое оправдание лепетать, но его уже никто не принимал во внимание.

Мирнов понял, что надо прерваться – было высказано более чем достаточно. Позиция русских обозначилась явно не в пользу мистера Упадьи, не оставляя ему никаких надежд,

не говоря о светлом будущем. Кое-как Мирнову удалось успокоить оставшихся. Как продолжение темы было предложено провести технический аудит всех экскаваторов – тем более что прибытие в Дханбад главного конструктора Меликова к этому обязывало: он желал лично осмотреть все экскаваторы. Вопрос с судьбой мистера Упадья было решено отложить на некоторое время – в связи с необходимостью проведения реанимационных мероприятий непосредственно с самим мистером Упадьей ввиду его полуобморочного состояния и по причине неопределившейся пока позиции по его персоне. Но тем не менее, исходя из концепции общечеловеческого гуманизма, все-таки решили предоставить подсудимому последнее слово. Мистер Упадья, с усилием приподнявшись на непослушных ногах, промямлил, что все услышал и учел, попросил дать ему последний шанс исправиться и что он больше не будет. После чего обреченно сник в ожидании решения своей дальнейшей несчастной судьбы: было очевидно, что карму нынче себе он подпортил порядочно – что однозначно отбрасывало его при следующем перерождении на не совсем тот уровень, на который он рассчитывал. Гробовое молчание явилось ему ответом – что только усугубило и без того невеселую атмосферу, царившую в совещательной комнате.

В итоге в карьеры для осмотра экскаваторов решили ехать завтра – надо было только решить вопрос с машинами и соответственно подготовиться.

IV

Вечером Паша заглянул ко мне:

– Завтра едем в карьеры. Есть идея – пошли к Альберту.

Я понял, что затевается что-то явно интересное.

– Мы тут прикинули с Пашей, – начал Альберт, – хорошо бы прокатить Мирнова с Меликовым в карьеры так, чтобы они ощутили весь экстрим от здешней работы.

– И что вы задумали? – я уже начал догадываться, что идея уже есть.

– А что, если на карьерах завтра устроят страйк и нас завтра в карьеры не пустят?

– Мысль хорошая: увидеть своими глазами, в каких условиях приходится работать – самый эффективный способ, чтобы пришло понимание. Но как это сделать?

– Надо звонить Мукешу, – рассудил Паша. – У него наверняка есть выход на бандитов. Надо, чтобы он договорился с ними и попросил их, чтобы они завтра к нашему приезду устроили забастовку и перекрыли карьеры. Думаю, у Мукеша есть с ними связь – пусть поговорит.

В Дханбаде царили российские девяностые. По сферам интересов и территориям Дханбад делили шесть местных «авторитетов»: угольный бизнес, авто- и железнодорожные перевозки, земля, строительство, госбюджет, проституция – все, где крутились деньги. Кроме этого в жесткой конкуренции здесь сходились индийские и мусульманские общины, занимающие целые районы. Одна такая мусульманская община, занимающая большой район прямо в центре – если двигаться от железнодорожного вокзала через виадук, то по правую сторону – занималась «транспортным» бизнесом. Любой въезжающий сюда байк или автомобиль исчезал здесь бесследно, как в Марианской впадине, будучи за ночь разобранным до винтика и после выложенный в виде запчастей в какой-нибудь лавке или развале. Мукеш даже как-то признался, что он никогда не зайдет в этот район, потому что больше он оттуда не выйдет – убьют. Так постепенно, развиваясь в своих интересах, дханбадский криминал дотумкал, что разумнее легализоваться. И они стали выдвигать свои кандидатуры на местных выборах, становясь депутатами и завоевывая себе электорат обещаниями о сытой и счастливой жизни – собственно, как любой диктатор, суливший народу все мыслимые и немыслимые блага: так это делал и Пиночет, и Мугабе, и Гитлер со своим другом Муссолини, и многие другие. В мире ничего нового не придумано. В итоге переобувшийся нелегальный бандит превращался в легального политика: правда, в шкуре белой и невинной овечки, но с прежней сущностью. И уже возглавляя

народ на пути к светлому будущему. Народ, проявляя высокую гражданскую позицию, активно включался во все замутки, устраиваемые «политиком»; тем более что «политик» не только приплачивал за участие, но и щедро кормил всех обедом по окончании проведенного мероприятия. Наша сфера деятельности подпадала под кураторство депутата Дула Магту: периодически устраивающего нам забастовки или «страйки» с целью поиметь от русских или нашего подрядчика хоть какие-то деньги. С ним-то в этот раз нам и предстояло вступить в картельный сговор, уже преследуя свои корыстные цели – как говорится, с кем поведешься – от того и болтик.

– Лихо! – хмыкнул я. – Но весело! Давайте попробуем.

– Сейчас я ему позвоню. – И Паша потянулся к телефону.

Долго объяснять Мукешу не пришлось, и Паша сообщил:

– Мукеш сказал, что можно поговорить. Он перезвонит.

– Подождем; хорошо бы, чтобы срослось, – улыбнулся Альберт.

Через некоторое время отзвонился Мукеш и подтвердил, что договорился. Мы весело переглянулись.

– Только никому ни слова, – предупредил Альберт. – Не надо, чтобы кто-то еще знал.

– Что ж, – улыбнулся я, – завтра нас ждет интересный день!

– Еще какой! – подтвердил Пал Вадимович.

На следующий день мы на двух машинах выехали в карьеры: мистер Мирнов и Жора в головной – вместе с Пал Вадимовичем и Альбертом; мы с братьями и с мистером Меликовым на второй.

Первым был Катрас. Мукеш не подвел – там уже ждали. Перед карьером – немного не доезжая – перекрыв дорогу, уже стояла толпа человек в сто – сто пятьдесят. Завидев нас, все стали дружно скандировать «Джиндоба! Джиндоба!», подогревая себя грозным потрясанием над головой бамбуковыми палками и яростно вращая выпученными глазами, как это делают все плохие парни в индийском кино. Мы стали – дальше ехать было некуда.

– Это что?! – обернулся с переднего сиденья недоумевающий Меликов.

– Похоже, забастовка, – равнодушно предположил я.

– Страйк, – подтвердил Саня, – обычное дело.

– Здесь такое постоянно, – вздохнул Ваня, – так и работаем.

– И что делать?! – не понял Меликов. – И что? Нам на экскаваторы теперь не попасть?

– Теперь никуда не попасть, – хмыкнул Иван.

Передняя машина вместе с Мирновым стала разворачивать, мы последовали их примеру.

– Куда теперь? – не понял Меликов.

– Сейчас посоветуемся, – предположил я и тут же отвернулся к окну, не в силах подавить улыбку.

Действительно, отъехав немного, передняя машина, прижимаясь к обочине, сбавила скорость и остановилась. Из нее вышел Мирнов и направился в нашу сторону.

– Ну что? Видели? – произнес он. – Забастовка! Карьер перекрыт. Сейчас едем в управление карьера, будем разговаривать с начальством, чтобы обеспечили проезд или хотя бы объяснили ситуацию.

– Конечно! – поддержал Меликов. – Надо же им объяснить, что это же в их интересах!

Минут через тридцать из здания управления карьера вышли Мирнов с Меликовым в сопровождении Жоры и подошли к нам – мы остались снаружи:

– Ну что? Едем в карьер в сопровождении вооруженного наряда полиции, – пояснил Мирнов. – Сказали, что встретят на дороге, поедем под их охраной. Гарантируют, что все будет в порядке.

Вооруженный патруль на автомобиле действительно поджидал на дороге и в качестве сопровождения двинулся впереди.

В карьере мистер Меликов, увидев первый экскаватор, схватился за голову:

– Это всего один год?!!

Подбитые на Курской дуге «Тигры» с разодранными гусеницами и оторванными башнями выглядели куда более бодро.

– Я такого еще не видел! Почему они в таком состоянии?!

– Какое обслуживание, такое и состояние, – с нескрываемым сарказмом отозвался Ваня.

Маликов вытащил блокнот и принялся записывать все, что увидел. Затем переехали на Блок-2 – картина на Блоке ничем иным не порадовала. От увиденного Меликов был в шоке: такого варварского отношения к продукции завода он в своей практике еще не встречал.

Единственным позитивным моментом во всем выезде для него явилось совместное фото с вооруженными полицейскими, сделанное на обратном пути. Фотоотчет, предоставленный мистером Меликовым по возвращении генеральному, однозначно должен был вызвать небывалый фурор, сопровождаемый невероятным и шокирующим повествованием об индийских приключениях главного конструктора.

V

В течение следующих нескольких дней высокая делегация провела встречи с руководством угольной компании, которую сложившееся положение настолько допекло, что они также стали требовать смены подрядчика и отказывались полностью продолжать с ним работу. Мирнов с Меликовым проехали по всем активам предприятия мистера Упадью: осмотрели будущее место под складские помещения, планируемую площадку под ремонты, места работы в карьерах, их оснащенность. В итоге составили акт по всем пунктам, который уже на заводе дали подписать Юльичу – Пал Вадимович, считая неэтичным держать в неведении начальника, предварительно сообщил ему о своем революционном плане. На что из Питера получил одобрение «руководителя проекта»: типа как Владимир Ильич по удаленке из шалаша в Разливе. В акте на нескольких листах, основываясь на блокнотных записях главного конструктора Меликова, было подробно описано и перечислено все, что требовало незамедлительного ремонта. Также в акте отмечалось, что с момента ввода в эксплуатацию экскаваторов техническое обслуживание не проводилось. «Руководителю проекта» предписывалось в срочном порядке в течение недели составить и утвердить график технического обслуживания в объеме годового, в те же сроки составить график восстановительного ремонта и предъявить оба графика подрядчику. Ответственным за соблюдение графиков определялся он же – «начальник производственного отдела», он же «руководитель проекта», он же «замдиректора филиала», то есть Юльич.

А мистера Упадью, несмотря на разразившийся скандал, руководством завода было решено оставить, вменив ему для видимости год исправительных работ.

Судя по всему, во время визита высокой делегации мистеру Упадью в приватной беседе с мистером Мирновым было на пальцах объяснено, что надо быть последним лохом, чтобы слить в унитаз такой бизнес с русским, где особо-то и нечего напрягаться – по той простой причине, что под боком всегда есть русские, которые всегда скажут, что и как надо делать. Мистеру Упадью всего лишь остается иметь элементарно чуточку соображения и здравого рассудка, чтобы не скирдовать тупо все бабло себе под задницу, а хотя бы толику малую выделять на какие-нибудь минимальные потребности для бизнеса: и будет всем красиво.

Что же касается революции местечкового масштаба, то, несмотря на успешно осуществленный первый этап революции, впереди нас еще ожидала длительная и изнурительная

борьба с безжалостными и беспощадными проявлениями капитализма, ставящего во главу угла исключительно идол золотого тельца.

Ибо, как высказался о природе гнусного капитализма, вскрывая всю его циничную сущность, Хершел Леви Мордехай, широко известный всему прогрессивному человечеству под именем Карл Маркс и стыривший это высказывание у английского публициста Томаса Джозефа Даннинга: «Нет такого преступления, которого бы он не устыдился, и нет такого риска, на которое он бы не пошел даже с шансом быть повешенным» (в оригинале: ...there is not a crime at which it will scruple, not a risk it will not run, even to the chance of its owner being hanged. Dunning T. J. Trade's Unions and Strikes: Their Philosophy and Intention, London 1890).

Монитор

– Серега, – раздался в трубке голос Юльича, – зайди ко мне. У нас проблема нарисовалась.

То, что Юльич позвонил по телефону и вызвал к себе в номер, говорило о том, что у нас действительно что-то произошло. Обычно Юльич просто дубасил мощным кулаком в стену, разделяющую наши номера в отеле, вызывая к себе на совместный ужин, когда он был уже готов или когда наш общий заказ принесли в его номер.

Сам Юльич при всей своей статусности, которую всегда старался поддерживать на уровне, соответствующем уровню «руководителя проекта», тем не менее любил готовить. В кулинарном смысле. Любитель жизни во всех ее проявлениях, он любил и вкусно поесть. Готовил он действительно отменно – с душой и творчески, любил экспериментировать, щедро сдабривая свои шедевры специями, к которым имел отдельную страсть. И не важно – готовил ли он овощи сабджи или творил с мясом: все его блюда уже в процессе приготовления источали непередаваемый аромат, который одурманивающим туманом накрывал весь отельный тупик, где располагались наши номера. В блюдах, обильно сдобренных специями, проявлялась вся сущность Юльича: владеть всем и много, особенно если этого нет ни у кого. И не важно, что это было: очередной гаджет или девайс, таблетки, наручные часы, какой-то непознанный еще алкоголь, одежда, или обувь, или очередной кулинарный шедевр. Всем этим он очень гордился; и, разумеется, с не меньшим удовольствием любил все это демонстрировать окружающим в детском ожидании услышать заветное: «А мне! А мне!! Я тоже такое хочу!!!» Тогда это был один из пиков его душевного наслаждения и щедрости: в такие моменты для присутствующих открывалось окно возможностей просить у Юльича все что угодно с очень вероятным шансом получить желаемое.

Однажды он в который раз решил продемонстрировать мне очередной новоиспеченный девайс, прикупленный им в аэропортовском дьюти-фри Дубая, откуда он только что прилетел транзитом из Питера.

– Смотри, что я себе отхватил в дьютике! – начал хвастаться он. – Такого еще в Россию не завезли! А у меня уже есть!

И Юльич достал из чемодана коробку.

– Смотри! Это 3D-очки!

– Игрушки гонять? – полюбопытствовал я, зная о страсти Юльича к электронным играм: как и положено нормальному игроману, он мог часами самозабвенно гоняться в мониторе за какими-нибудь вурдалаками, расстреливая их из танчиков и пришибая уворачивающуюся нечисть каменным топором периода палеолита.

– Ты что?! Не только! Можно киношки смотреть! – и Юльич напялил на себя очки, демонстрируя, как это будет выглядеть. – Накидал киношек себе на флешку и, где-нибудь в аэропорту пока ждешь самолет, сиди себе смотри хоть шесть часов! – начал вертеть головой Юльич во все стороны, воображая себя сидящим в аэропорту во время стыковочного рейса.

– Вообще-то – ничего! Кроме изображения ничего не видно – даже не просвечивает ни сбоку, нигде! – поделился Юльич впечатлением. – Только кино, и причем в 3D! Пару киношек посмотрел и пошел на следующую регистрацию!

– Ага, – согласился я, – очки снял, а вещей нет. Хороший девайс.

Юльич стянул очки себе на лоб и озабоченно посмотрел на меня:

– Думаешь?

– А почему нет? – ответил я вопросом на вопрос. – Ничего ж не видно – даже щелочки наружу нет. Так даже дома, если собрался киношку смотреть, то прежде не мешало бы прове-

ритель, закрыта ли дверь. А не то пока киношку будешь смотреть, могут всю квартиру вынести на фиг.

Юльич в некотором разочаровании стянул очки и внимательно посмотрел на них. И, немного подумав, заключил:

– Ну да – дверь вообще-то стоит закрывать. А то мало ли...

Очками этими Юльич какое-то время пользовался в отеле, а после увез домой.

А вот свою страсть кулинарить он, естественно, не оставил и с упоением и, главное, с удовольствием продолжал на своей маленькой плиточке колдовать у себя в номере. Но на этом процесс не заканчивался: после того как таинство над плитой завершилось, начинался не менее волнительный и долго ожидаемый этап – этап дегустации и угощения всех присутствующих, включая обслуживающий персонал отеля, случайно подвернувшийся под руку. Если же в этот момент присутствующих на месте не наблюдалось, то Юльич немедленно начинал обзвон всех номеров, дабы отсутствующие срочно прибыли в номер к Юльичу для снятия пробы и дегустации сотворенного. Объективности ради надо сказать, что практически холостых выстрелов у Юльича не наблюдалось – все отмечали, что свой талант он зарыл не в том месте и в противоположном от мишленовских звезд направлении, так как от окружающих всегда получал самую высокую оценку своих кулинарных способностей. И это был очередной Олимп – Юльич был счастлив.

Но на сегодня с ужином у Юльича было давно покончено – часы показывали почти одиннадцать вечера, и потому я уже отчалил к себе в номер, где меня и догнал телефонный звонок из-за стенки. Факт самого звонка, а не удары в стену сразу наводили на серьезность ситуации.

– Серега, – начал озабоченно Юльич, когда я зашел к нему в номер, – звонил Мукеш: у нас на 523-м украли монитор.

– В смысле? – не поверил я. – Как украли?

– А так, украли, и все; детали Мукеш не рассказал, – пояснил шеф.

– Зашибись... – только и нашелся я.

– Да, – вздохнул Юльич, – чего там натворили – надо разбираться. Одно понятно: что у нас может сорваться сдача в срок.

Экскаватор под номером 523 был четвертым и последним в монтаже. Три уже успешно работали в забоях, а 523-й пока еще стоял на монтажной площадке, но готовый по первой команде из ВССЛ начать движение в карьер. Кража монитора ставила эту готовность под сомнение – и, соответственно, срок сдачи экскаватора в эксплуатацию. Монитор же находился в кабине машиниста и в основном выдавал информацию о текущем состоянии оборудования. Несколько функций были в нем программируемые, но на общую работу экскаватора они не влияли – поскольку монитор являлся всего лишь одним из элементов общей информационной системы.

– А смысл переть монитор, – удивился я, – если экскаватор и без него может успешно работать?

– А это надо у тех спросить, кто упер! – парировал Юльич. – Думаешь, они понимают что-нибудь? Подумали, что монитор – это главный компьютер и что без него экскаватор работать не сможет.

Раздался стук в дверь, и в номер Юльича вошли Ваня с Саней.

– Ну что – началось?

– Уже знаете? – повернулся к ним Юльич.

– Сообщили, – хмыкнул Ваня, – Шудипто позвонил.

– Хотят сорвать сдачу экскаватора, – прокомментировал Юльич. – Монтажная площадка находится же на территории деревни, что на самом краю карьера. А место под монтажную

площадку деревня как бы сдала в аренду ВССЛ – и чем дольше экскаватор стоит на этой площадке, тем дольше деревня будет получать плату от аренды. Тут все ясно. Они думают, что выдрал монитор, экскаватор не сможет уехать в карьер.

И немного помолчав, с досадой добавил:

– Дети джунглей, блин...

В номере повисло задумчивое молчание – все осмысливали сложившуюся ситуацию.

– И что будем делать? – прервал тишину Саня. – ВССЛ не сегодня завтра даст команду на перегон, а мы не готовы.

– Ну, перегнаться-то мы сможем и без монитора, – поправил Ваня. – Но без него экскаватор не будешь же сдавать в работу.

– У нас в ЗИПе нет запасного? – со слабой надеждой посмотрел на меня Юльич, заранее зная ответ.

– В запчастях нет, – разочаровал его я. И добавил: – На завод надо сообщать – чтобы срочно искали. Пусть к москвичам кинутся – может, помогут.

«Москвичами» мы между собой называли компанию, производящую систему управления: они сами ее и разрабатывали, и собирали, и часто выручали с запчастями.

– Да у них все оборудование расписано на год вперед! Кому куда какие комплекты поставлять, – очередной раз вздохнул Юльич. – Но, может, временно выдернут из чьего-либо заказа: исходя из сложившейся ситуации.

Задумчивость повисла в номере.

– Ладно, Серега, завтра с утра едешь на Катрас – смотришь, что там натворили; может, что еще надо кроме самого монитора, – принял решение Юльич. – Я завтра с утра позвоню на завод. А после поеду с Упадьей в ВССЛ: расскажу там про то, что случилось; что мы принимаем меры по исправлению; и чтобы притормозили с перегоном. В полицию обращаться бесполезно – там никто ничего не найдет, да и искать не будут.

– Надо хелперов сажать на ночь на экскаватор для охраны, – подал разумную мысль Ваня. – И пока не сдадим экскаватор в работу – пусть сидят, сторожат.

– Завтра переговорю с Упадьей, – согласился Юльич, – пусть организывает дежурства.

Утром разъехались: Юльич в офис к Упадье, мы на 523-й.

На 523-м монитор был вырван с корнем – прямо с крепежом и проводами. То, что, оказывается, демонтировать монитор можно и таким дремучим способом и за пару секунд, указательным пальцем тыкало в направлении зачуханных хибар, находящихся в двухстах метрах.

– Зараза! – моей досаде было тесно внутри. – Тут всего пара разъемов и один барашек! Ну надо тебе упереть эту «волшебную машинку» – так открути монитор спокойно по-человечески и фигарь с ним на базар продавать! Но рвать-то и ломать зачем!

– Они, когда мы начинали монтажи, даже не знали, в какую сторону гайку надо крутить! А ты – монитор! – промолвил Ваня, взирая на обрывки проводов и поломанное крепление.

И, осмотрев место крепежа, рассудил:

– Крепление мы какое-нибудь сделаем, сварим что-нибудь. А вот с электрикой – это тебе уже разбираться придется: даже разъемы уперли – не стали откручивать, а как было – так и вырвали.

Вечером собрались на совещание у Юльича.

– Серега, рассказывай, – начал начальник.

– В общем, монитор выдрали вместе с крепежом и разъемами, которые остались – как и были – прикрученные: с ними и унесли. Крепление мы какое-нибудь примудрим из подручного материала. А разъемов таких у нас нет; видимо, надо просить, чтобы монитор был в комплекте с разъемами.

– Понятно, – кивнул Юльич. – Я разговаривал с Питером, там пообещали связаться с Москвой, чтобы помогли. Насчет разъемов скажу – чтобы тоже имели в виду. Время пока есть, но и тянуть нельзя. Монитор долго устанавливать?

– Нет, не долго: прикрутил, и всех делов. Дольше распаивать разъемы на кабели: часа два на все про все, – добавил я.

– Значит, ждем, о чем договорятся, – подвел итог Юльич.

Начальство на заводе отреагировало молниеносно – дня через три. Сообщили, что Москва готова помочь, но доставку монитора из Москвы в Питер обеспечить не смогут: типа вы там сами порешайте.

– И что делать? Нам отсюда с Москвой разруливать? – развел руками Юльич. – Наши в Питере тоже... заняты все.

– С Москвой-то, кстати, легче всего договориться, позвонив отсюда напрямую, – успокоил я начальника.

– А вот к нам как? – стал прикидывать я. – У нас с завода сюда никто не собирается случайно? Чтобы по пути прихватили: он же в чемодане не особо места займет.

– В том-то и дело, что не собирается, а специально никто из управления не поедет.

– Даже желающих прокатиться туристом не найдется? – усомнился я. – Я бы даже не думал! Сюда монитор – отсюда полный чемодан чая и специй!

– Ага, выгонишь там кого, – саркастически усмехнулся Юльич, – там у всех свои планы.

То есть по факту монитор уже был в кармане. Кроме доставки. Что этот карман обнуляло: вроде того, когда знаешь, что в кармане лежит червонец – суешь руку, а там дырка и вместо червонца фига с маслом.

Вопрос с доставкой стал заходить в тупик.

– Надо Белого выдергивать, – нарушил я тишину, – надеюсь, он до дома доехал?

Юльич вопросительно посмотрел на меня:

– Он только неделю назад отсюда уехал. Дома, наверное, только день-два. И опять назад?

– Думаю, Белому курьером съездить – никаких проблем. Тем более что с завода мы никого не дождемся. А у Андрея и виза открыта – в отличие от кого-либо из заводских. Надо только с Белым предварительно переговорить: может, тоже свои планы, – улыбнулся я.

– Так надо же еще из Москвы довести до Питера...

– Москва нам на комбинат отправляла поездом – они многим так перекидывают. А уж из Москвы до Питера еще проще: надо будет только от завода кому-нибудь проскочить на вокзал и забрать посылку.

Юльич призадумался.

– Хорошо, – произнес он после недолгой паузы, – завтра со всеми переговорю: посмотрим, что получится.

На том и порешили.

Следующий день прошел в обычной рабочей текучке, и по возвращении в отель – опять к начальнику:

– Юльич, какие новости есть?

– Есть. Со всеми переговорил: Белый готов смотаться; москвичи тоже могут передать поездом – у них для этого отлаженная система выработана: приедет человек и прямо на вокзале сдаст посылку в багаж. На заводе с нашим вариантом тоже согласны: Белому оформляют командировку – он уже собирается из дома назад в Питер; у Москвы покупают монитор за десять тысяч евро: это ж не ноутбук какой, все-таки промышленный девайс. Кстати, они там в управлении попросили, чтобы Белый проскочил дальше и провел технический аудит двух наших экскаваторов в Бине, проданных заводом еще лет девятнадцать назад. Там мест-

ные интересуются возможностью проведения капитального ремонта – запрос давно прислали на завод, а у наших все руки не доходили, вот кто-то вспомнил. Так что Белый напрямик проскочит до Бины, там один день и после сюда.

– И как он поедет до Бины? – полюбопытствовал я.

– Поездом поедет: Шудипто уже дана команда насчет билетов из Калькутты до Бины. Кстати, поезд идет через Дханбад, поэтому здесь к Андрею в поезд подсядет Толик Брус – он у нас супервайзер: проведет аудит по механике, а Белый – по электрике. Потом дефектную ведомость отправлю на завод вместе с Белым. Такой расклад, – подвел итог Юльич.

– Лихой сюжет, – оценил я, – но рабочий. Но мне, главное, чтобы монитор приехал. И чтобы успеть его поставить.

Как известно, планы составляются в двух случаях – либо для того, чтобы отписаться; либо для того, чтобы реализоваться. В нашем случае, похоже, вполне вырисовывался второй вариант.

Через несколько дней в Дханбад на лихом коне прискакал Андрей Белый, не выходя из поезда, подхватил Толика Бруса, и они вдвоем за день окучили пару стальных ветеранов в Синграули. После, по возвращении, Белый вручил мне монитор, и уже на пару с мистером Андреем мы, немного повозившись, торжественно и трепетно водрузили девайс на свое штатное место. В дальнейшем бдительные секьюрити из числа хелперов мистера Упадьи зорко стерегли четвертого кандидата на трудовые подвиги от нежелательного стороннего посягательства, как родственники-зулусы невесту перед свадьбой – благо кабина экскаватора имела второй отсек с лежаком. Таким образом, последующие попытки дезавуировать коварные планы хитрых русских в Индии принятыми мерами были кардинально пресечены, и всем пытающимся повторить подобное безобразия было жестко поставлено на вид.

А через несколько дней высокое разрешение на перегон экскаватора в забой было получено. После чего нас ждал визит высоких гостей и целый протокол по сдаче экскаватора в эксплуатацию с торжественным перерезанием ленточки, проведением традиционного обряда пуджа с присвоением экскаватору собственного божественного имени и последующим щедрым фуршетом для всех приглашенных на крыше Sonotel в ресторане «Тропосфера».

И там же маленьким попутным переворотом в духе лучших дворцовых интриг.

Но это уже немного другая страница индийской истории...

«Сусанин»

I

– Серега, – заглянул ко мне Пал Вадимирович, – завтра прилетает Юльич, буду за ним машину в Калькутту отправлять и думаю сам прокатиться. Если хочешь – поехали: прокатимся по магазинам, сыр купим и кому что еще надо.

Сыра в Дханбаде не было. Его возили из Калькутты по оказии – настоящий твердый сыр в виде маленького шарика грамм на пятьсот можно было купить в некоторых магазинах Калькутты. Сыр был деликатесом, как гречка и колбаса: этим запасались и везли из России; из колбасы же доставляли сырокопченую – другая из-за жары не доезжала.

Пашино предложение же имело смысл, так как завтра намечался выходной, особых дел на него я не планировал, и потому вполне можно было прогуляться.

– По пути в аэропорт заберем с собой Шурика, – сообщил Паша, усаживаясь в машину. – Он на выходные домой уехал.

Шуриком Паша называл Шудипто – так было привычнее и не так официально; да Шудипто и не возражал – как в известной поговорке: «Называй хоть горшком, только в печь не сажай».

– Так приятно, когда тебя встречают! – расчувствовался Юльич, появляясь в дверях аэропорта. Как и принято у руководителей любого коллектива – хоть большого, хоть маленького, – первой обязанностью подчиненных должно являться благоговейное и трепетное отношение к руководителю; все остальное – после. Наш встречающий коллектив числом в три человека исходил из более приземленных соображений: Паша отправился в аэропорт, дабы гарантировать прибытие машины за Юльичем в срок и в нужное место; я – из чисто меркантильных интересов: за сыром и просто покататься; Шурик – для массовки. Для Юльича тем не менее наше появление в аэропорту имело то значение, какое он себе представлял – тут, как говорится, чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. Но если брать в целом, то общая обстановка и атмосфера благоприятно подействовали на всех. Однозначно у обеих сторон образовалось приподнятое настроение, какое всегда возникает при появлении в богом забытой деревне человека со свежими новостями из столицы и традиционными к нему вопросами из разряда: «А что там в мире? – И не забыли ли нас на Большой земле окончательно?» и «Не ждать ли нам какой беды от того, что нас там все еще помнят?». Расчувствовавшийся Юльич даже едва не пустил скупую мужскую слезу; и если бы мы для встречи приволокли с собой оркестр и перед входом выстелили бы красную дорожку, то дело, несомненно, кончилось бы жаркими объятиями с обильными слезами на глазах и поцелуями в засос а-ля Леонид Ильич. Весело погрузившись в машину и одновременно обмениваясь новостями, мы покинули территорию аэропорта и направились в сторону города.

– В Калькутту заедем? – обернувшись к нам с переднего кресла, полуутвердительно закинул Юльич вопрос, ответ на который был очевиден.

Традиционно отоваривались мы в районе под названием Солт-Лейк-Сити. Выделялся этот район своей чистотой и параллельно-перпендикулярной планировкой, разделенной на кварталы. Малоэтажные дома – по большей части двух-трехэтажные – не предполагали высокую плотность населения, и потому здесь всегда царили спокойствие и умиротворение. Обилие зелени на нешироких улицах и во дворах добавляло тишину и несуетливость в общую атмосферу и щедрой тенью скрашивало жару в летние дни. Жилые кварталы с небольшими рынками и магазинчиками на первых этажах создавали для здесь проживающих комфортную

и приятную обстановку. Несколько вполне приличных торговых центров своим присутствием дополняли недостающий ассортимент, и наличие в районе небольших больниц и клиник вместе со школами не создавало необходимости покидать этот район без особой нужды. Когда-то на этом месте было соленое озеро Бидханнагар, больше похожее на болото. Но в результате мелиорационных мероприятий, проводимых в 50-х годах прошлого столетия для размещения растущего населения, частично бежавшего тогда из только что образованного Восточного Пакистана, нынешнего Бангладеша, – на этом месте постепенно образовался целый город с населением под четыре с половиной миллиона человек.

Район этот настолько приглянулся Юльичу, что поначалу он стал серьезно рассматривать Солт-Лейк-Сити как место своей постоянной резиденции со штаб-квартирой индийского филиала. По своим планам Юльич видел в составе этого филиала подразделение из четырех механиков и четырех электриков, базирующихся в Дханбаде. Для себя – как руководителя индийского проекта – местом постоянной дислокации Юльич как раз и выбрал район Солт-Лейк-Сити, где даже присмотрел апартаменты в приличном кондо с закрытой территорией и бассейном внутри. Был даже один момент, когда для ознакомления с локацией Юльич вызвал к себе жену, с которой они почти месяц пожили и потестили приглянувшееся жилье. Но Тамаре Михайловне индийская специфика не зашла, без привычного круга общения она заскучала, без русского телевизора сникла, индийские трехчасовые душевные мелодрамы с бодрыми танцами и песнями – не впечатлили, еда быстро приелась, и она улетела на Родину, предоставив Юльичу возможность осваивать приглянувшийся район на его личное усмотрение. Дальнейшее развитие филиала, уверенно приближающееся к своей заморозке в виде типичной волокиты и традиционной бюрократии, мечты Юльича о позиции индийского махараджи в костюме английского колонизатора окончательно свело на нет. И ему ничего другого не оставалось, кроме как занять место «руководителя индийского проекта» в Дханбаде, который наш транслейтер мистер Шудипто, являющийся ярким фанатом Калькутты, обозначил емкой фразой: «Если в Индии есть задница – то она находится в Дханбаде!» Причем выдал это на чистом русском – знать, от всего сердца.

Но поскольку район бывшего болота под названием «Соленое озеро» в свое время был изучен и освоен, и с учетом того, что, судя по всему, ностальгия о несбывшемся Юльича не отпускала, район этот он искренне полюбил и при всяком удобном случае старался наведаться, побродить, пошопиться, а иногда и переночевать в довольно приличном отеле De Sovrani. Ставшим впоследствии и нашей общей промежуточной точкой при необходимости перекантоваться в Калькутте.

– Надо подготовиться к дороге – ехать же долго. И неизвестно, в какой еще трафик попадем, – с оптимизмом поделился Юльич со всеми. – Потому надо прикупить «Олд Монка»: я уже и мерзавчики приготовил!

И Юльич радостно достал из дорожной сумки маленькие пластиковые бутылочки объемом миллилитров на сто – сто пятьдесят.

– Берем ром, наливаем в мерзавчик – но половину! Потом джусика, и едем себе, посасываем! По окончании снова доливаем и едем дальше! И вроде не напиваешься, но и нескучно, и дорога незаметнее! Мое изобретение! – с гордостью поделился Юльич своей гениальной находкой. – А то едешь-едешь, за окном пальмы да поля, скучно и нудно. А так дорога приятнее и быстрее!

Почему именно для Юльича быстрее – стало очевидно чуть позже.

Прошвырнувшись по маркетам и прикупив себе кто что планировал, мы завернули в алкомаркет, коих в Солт-Лейк-Сити Юльич знал наперечет, и, затарившись «Олд Монком» и соком, направились к выезду из Калькутты. Вскоре – миновав родной район Шудипто под названием «Данкуни», известный в Калькутте как коммунистический, где на каждом шагу традиционно пестрели алые стяги с серпом и молотом; а также плакаты, призывающие к краху

империализма как гнусного порождения капитализма и зазывающие в светлое будущее – мы дружной командой взяли курс на родную Дханбадщину.

II

Широкая дорога в две полосы в каждом направлении с разделительным бордюром посередине повела нас от Калькутты в западном направлении и километров на сто обещала беспроблемное движение. После чего вся эта роскошь сужалась до двухполосной трассы, где движение становилось более интенсивное и напряженное и где часто из-за чьей-то поломки на дороге мог произойти затык, и тогда движение могло остановиться вообще. Особенно это могло произойти ближе к ночи на таможенном переходе между штатами Западная Бенгалия и Джаркханд, где без вариантов досматривались все грузовики, что создавало многокилометровую пробку в обе стороны. И сто процентов гарантировало вам ночевку в автомобиле – поэтому зависать в Калькутте до вечера становилось уже довольно рискованным мероприятием, и мы обычно старались выскочить из города не позднее часов пяти вечера. Естественно, сразу после старта рука Юльича потянулась к крутилке кондея, незамедлительно принявшей максимальное положение: Юльичу всегда было жарко. Я тут же вытянул из своего рюкзака дежурную флиску: флиски и фотоаппарат – две вещи, которые неотлучно сопровождали меня на любом выезде; и все, расположившись поудобнее – благо семиместная «Тойота-Иннова» это позволяла, – настроились на неблизкий путь.

Потягивая содержимое мерзавчика и периодически его пополняя, Юльич делился с нами последними заводскими новостями – в обмен на наши – и по мере их убывания незаметно придремал: мерзавчики и долгий перелет сделали свое дело. В какой-то момент он внезапно очнулся и несколько взволнованно напомнил:

– В Дургапуре заедем в KFC – прикупим пару пакетов наггетсов! Все мечтал, как приеду – первым делом куплю!

И услышав от Паши заверение об обязательном исполнении, Юльич тут же успокоился, расслабился и опять ушел в блаженную нирвану своего безмятежного и такого долгожданного состояния.

Тамара Михайловна Юльича блюла. И это было поистине для него жестким и мучительным испытанием: беспощадная диета во всем – начиная от алкоголя до обязательных вечерних прогулок и вегетарианского питания – на Родине соблюдалась безукоснительно. И Юльичу ничего другого не оставалось, кроме как терпеть временный геноцид по отношению к своему организму и тешить себя мыслью, что весь этот кошмар – явление временное; и что свое он, несомненно, доберет и даже больше, отправившись на работу в Дханбад: в эти невыносимые и тяжелые условия, о чем он любил с драматичными вздохами и печалью в голосе рассказывать всем в Питере.

Нам же с трафиком нынче повезло: почти двести километров нам удалось преодолеть без задержек, и часа через три на нашем горизонте показался Дургапур. До 60-х годов прошлого столетия про Дургапур было известно только то, что это была какая-то захолустная железнодорожная станция. Но после обретения Индией независимости по стране усилиями Джавахарлала Неру стали строиться индустриальные центры, и в Дургапуре было построено несколько сталелитейных и металлургических заводов. Бывшая станция превратилась в город с населением за полмиллиона со всей соответствующей инфраструктурой. Наша трасса АН1 Калькутта – Дели разрежала город пополам, и движение здесь уже было довольно интенсивное; по обеим сторонам уже пошли многочисленные магазины, конторы по ремонтам автомобилей, торговые центры, аптеки и все то, от чего уже рябит в глазах; и потому нашей задачей было, следуя заве-

там Юльича, не проскочить нужный торговый центр, на первом этаже которого друг за другом шли McDonald`s, KFC и еще какие-то местные фудкорты.

– Кажется, здесь сворачивали, – произнес Паша.

– Нет! Дальше! – вмешался Шудипто.

– Разве? – усомнился Пал Вадимович. – Мне казалось, что сюда надо. Ну, тебе виднее...

– Да-да! Сидэ! – скомандовал транслейтер нашему бессменному водителю Пандею и для убедительности махнул рукой. «Сидэ» на хинди «вперед» означает.

Паша в ответ только пожал плечами и спорить не стал.

Пандей попытался было возразить, но Шудипто не предоставил ему такую возможность, настойчиво указывая направление «сидэ».

Вообще-то место это для нас было не новое – посещаемое уже неоднократно; но из-за очень интенсивного движения требовало внимания, чтобы вовремя сориентироваться и свернуть в правильном направлении. Что мы благополучно и сделали: из-за того, что наш водитель Пандей несколько засомневался, и по причине активной жизненной позиции резко подключившегося с заднего сиденья Шудипто, мы, следуя его бесценным указаниям, двигаясь по своей левой стороне дороги, совершили виртуозный под девяносто градусов поворот направо. И вместо того, чтобы на перекрестке немного протянуть вперед до своей полосы и свернуть на нее после, мы ломанулись направо сразу и... напрямик вперлись на встречу. В машине возникла общая легкая паника, но резко раздавшийся с улицы пронзительный свисток вмиг отрезвил всех, и мы резко остановились. К нам уже направлялся полицейский.

III

Дело в том, что вожделенные наггетсы, если ехать из Дханбада в сторону Калькутты, находились по левую сторону от дороги: и в этом случае, чтобы подвернуть к KFC, проблем не возникало – так как в Индии все движение левостороннее, то вы, двигаясь, соответственно, по левой стороне, спокойно съезжали влево к торговому центру. Другое дело, когда за наггетсами приходилось бы сворачивать, двигаясь от Калькутты. Тогда торговый центр у нас по движению оказывался с правой стороны; и чтобы подъехать к нему, пришлось бы, во-первых, пересекать встречную полосу, что уже было непросто при постоянно существующей здесь движухе; а во-вторых, уходить в сторону от торгового центра, потом искать разворот и уже после, возвращаясь, сворачивать к KFC. В общем, как в сказочке: где чем дальше – тем страшнее. Шудипто решил эту сказочку сократить.

Подошел полицейский: молодой парень, наверное, лет двадцати двух; его форма в виде рубашки бежевого цвета с черным аксельбантом под левым погоном и синих брюк не заставляла сомневаться в том, что перед вами представитель власти. А аббревиатура CPVF на погонах и шеврон Police на левом рукаве являлись неоспоримыми аргументами в принадлежности к силовым структурам. Он вежливо представился и попросил у Пандея документы. Не отошедший еще от собственного ажиотажа и бурного выплеска энергии Шудипто по инерции активно переключился на процесс общения с представителем власти. Что вызвало некоторую оторопь у блюстителя хайвея, так как грубейшее нарушение правил дорожного движения подтвердил бы даже слепоглухонемой. В голосе полисмена стали просматриваться более требовательные нотки, и между оппонировавшими сторонами завязался банальный спор.

– Николаич, – обратился ко мне Пал Вадимович, – пошли-ка отсюда на воздух. Дело, похоже, начинает затягиваться, и потому нам здесь делать нечего.

– А Юльич? – кивнул я на мирно посапывающего на переднем сиденье начальника.

– А пусть себе спит, – рассудил Паша, – ему уже хорошо, так что не стоит мешать.

А Шурик пусть сам разбирается.

Мы вышли с Пашей из машины и осмотрелись вокруг. На противоположной стороне дороги у обочины виднелись кафешки.

– Пошли туда, – предложил Паша, – посидим на свежем воздухе. Чай попьем.

Мы перешли на противоположную сторону. Разгорающийся за спиной спор только подтвердил мудрость Пашиного решения: мы там были явно лишние.

– Садись, Николаич, – предложил мне Паша, сам уже удобно устроившись в пластмассовом кресле. – Дело это будет небыстрое, так что занимаем места в первом ряду и релаксируем.

Я последовал примеру Пал Вадимыча, и мы, развернув кресла лицом к проезжей части, приготовились наблюдать за происходящим возле нашей машины действием.

– Соваться нам с тобой, Николаич, туда не нужно – не наша история. Раз Шудипто нарулил – пусть наш «Сусанин» индийский и разбирается. Это их местные разборки, так что флаг в руки.

Теперь, сидя лицом к перекрестку, можно было осмотреться. Со стороны он просматривался хорошо, и стало очевидно, что спорить, собственно, было не о чем. Дорога, примыкавшая к основной трассе, мало того что имела двухстороннее движение, но также имела и разделительную полосу в виде бордюра шириной около метра. Стало понятно неподдельное недоумение и растерянность встречных, когда, подъезжая к перекрестку, им прямо в лоб вывернула наша «Тойота». Разделительную же полосу даже при большом желании игнорировать было вообще невозможно – прямо на ней во всю ширину на небольшом расстоянии друг за другом стояли два постаменты с памятниками. Постамент в глубине, похоже, символизировал прокатный стан со стоящим на нем железнодорожным колесом – один из сталелитейных заводов в Дургапуре производил железнодорожные колесные пары для всей Индии. А чтобы никто уже не сомневался, куда он попал, на торце стилизованного стана большими объемными буквами стального цвета было написано Durgapur Steel City.

А вот впереди – метрах в десяти уже ближе к самой трассе – на другом постаменте возвышалась известная всем фигура уверенной поступью идущего вперед и опирающегося на бамбуковую палку Махатмы Ганди. В набедренной повязке дхоти и шали на плечах весь в белом Махатма, устремленный вперед, всей своей фигурой олицетворял движение Индии в светлое и прогрессивное будущее, имеющей полное право занять достойное место в мировом сообществе; и белый цвет не только его одежды, но и фигуры, и даже посоха однозначно декларировал о чистых и благородных помыслах не только всей Индии, но и ее народа. Такие скульптуры можно было увидеть практически во всех более-менее крупных городах: на одной из небольших площадей Дханбада стояла такая же очень похожая, но только почему-то черная. Похоже, мнение Шудипто о Дханбаде все-таки имело под собой какое-то обоснование.

Придя к такому заключению, я перевел взгляд на нашу машину, где она остановилась по требованию полицейского: неутомимый Шудипто увлеченно продолжал в том же духе, все еще не оставляя попытки что-то объяснить блюстителю закона и показывая ему то на перекресток, то на магистральную трассу, то на торговый центр с КФС.

– Вон из него как нынче энергия поперла – не остановишь! – хмыкнул Паша. – Ничего, пускай тренируется: как говорят в армии – лишь бы это ему не было чревато боком!

Действительно, активность Шудипто, пытающегося убедить стража закона в своей полной невинности и отсутствии нарушения, возымела некоторый успех – стало заметно, что полицейский смирил свой пыл и умиротворяющими жестами стал призывать Шудипто к спокойствию. Это смягчило напор транслейтера, и его активность пошла на убыль. Но полицейский еще не спешил принимать окончательное решение, хотя по его поведению становилось ясно, что, в общем-то, аргументов у него больше нет. И вскоре стало понятно почему.

Через некоторое время со стороны трассы к нашей машине подошел еще один страж дорог – в такой же форме, но уже в каске; правда, почему-то строительной, но с красной горизонтальной полоской по окружности и с эмблемой Police по центру. Одет он был в такую же форму; но возрастом он был немного постарше – лет двадцати пяти. И стало очевидно, что статусность подошедшего была уже повыше. Все стало понятно: первому полицейскому просто надоели препирательства Шудипто, и он вызвал подкрепление. Увидев явный перевес сил не в свою пользу, Шудипто развел руками.

– Додоказывался, – иронично прокомментировал Пал Вадимович, наблюдая за происходящим. – Ничего, Шурику будет полезно на будущее, а то у него периодически возникают необъяснимые приливы неконтролируемой энергии. Если сейчас еще бамбуковой палкой огребет – будет вообще полный урок.

Теперь Шудипто уже пытался противостоять двум стражам закона, и было видно, что для него это становится заметно сложнее. Оба молодых полицейских – практически ровесники Шудипто, – в отличие от него, держали себя заметно вежливее, но при этом настойчиво. И их терпению оставалось только удивляться. Шудипто все еще пытался спорить с обоими, но уже не так активно.

– Сейчас довыступается, что его в околоток заметут, – насмешливо прокомментировал Паша. – И будет за что.

Дебаты у машины уже продолжались минут тридцать – обе стороны действовали в лучших азиатских традициях, и это было нормально. Как и то, что искусство ждать является одним из важнейших искусств в Азии, если вы не хотите нанести ущерб своей нервной системе и психике. Ибо любой вопрос всегда требует длительного обсуждения и такого же неторопливого исполнения не просто так, а с целью, во-первых, не попортить себе карму и, соответственно, следующую жизнь после очередного перерождения; и, во-вторых, убедиться в том, что этот вопрос вообще имеет ли значение, так как со временем может сам рассосаться, доказав тем самым бесполезность и ненужность своих предыдущих усилий в попытке решить этот вопрос вчера, но ставший уже сегодня неактуальным. Короче, элементарное следование канону «Будь Буддой и не парься» для полного достижения дзена и дальнейшего погружения в нирвану.

Что мы с Пашей и сделали, удалившись от беспокоящего и созерцая окружающее со стороны. Видимо, Юльич постиг это раньше нас, потому что даже начало для него прошло мимо и никоим образом не волновало в настоящем – он продолжал мирно посапывать в арестованном автомобиле, сидя на своем переднем кресле, невзирая на творящуюся вокруг суету и неутрачивающие прения сторон.

Прошло где-то минут сорок с того момента, когда мы, следуя заветам индийского «Сусанина», вперлись в не туда, куда не надо.

Обстановка становилась неопределенно-затянутой, и дабы сдвинуть ее решение с мертвой точки, оба констебля приняли решение. И через некоторое время к нашей «Тойоте» подъехал байк. Несмотря на то что между нашим наблюдательным пунктом и местом происшествия было около двадцати метров, стало очевидно, что к месту ЧП прибыла непростая сошка. Во-первых, потому что он был значительно старше – лет около сорока пяти – пятидесяти, в очках, степенный и державшийся уверенно; что доказывало, что в жизни он уже повидал достаточно, а не какую-то там мелочь пузатую. Во-вторых, его форменная голубая рубашка демонстративно контрастировала с бежевыми констеблями – и это уже говорило о совершенно другой статусности. На это же указывала и белая каска с такой же красной полосой по краю, но уже не с простой эмблемой Police, а с эмблемой какого-то серьезного полицейского управления. Причем каска его уже была не строительной, а самой настоящей – как у военных. Ну и, наконец, на погонах высокого начальника с красной и синей лычками увесисто сверкала большая серебряная звезда размером с хоккейную шайбу. Большой начальник не спеша слез

с мотоцикла и уверенной походкой знающего себе цену человека направился к месту дорожного происшествия.

– Все, – изрек молчавший до этого Пал Вадимович, – за Шуриком приехали.

– В смысле? – не дошло до меня.

– А сейчас его в тюрьму заберут, чтобы не бузил не по делу, – равнодушно пояснил Паша.

Стало интересно: ласты мы Шурику, конечно, иногда крутили – когда он сам вынуждал; но никогда не видели, как это с ним делает полиция.

Дело принимало серьезный оборот. Пандей, собственно, как такая же пострадавшая сторона, как и мы, с самого начала не стал проявлять особой активности в распределении ситуации, а скинул все козыри Шудипто и спокойно дожидался разрешения проблемы; выполнив, разумеется, со своей стороны все требования, предъявляемые ему блюстителями закона.

«Товарищ майор» неторопливо приближался к месту происшествия, и с каждым его шагом энтузиазм Шудипто таял на глазах, как вытасченный на улицу из изнуряющую жару кусок льда. Когда большой начальник дошел до машины, руки Шудипто, до этого такие энергичные и непредсказуемые, уже безвольно висели словно плети, тело поникло и от бодрости духа не осталось следа: безропотность и покорность выражала вся его фигура, готовая обреченно принять любые удары судьбы; включая удары бамбуковой палкой по чувствительным местам, о чем когда-то давно случайно проболтался Шудипто, передергиваясь при этом всем телом с неподдельным ужасом и содроганием. Видимо, имел опыт.

Тем временем большой начальник подошел к подчиненным, и они, отдав ему, как положено, честь, стали докладывать о только что совершенном преступлении, раскрытом по горячим следам. Закончив краткий получасовой доклад, подчиненные передали начальнику документы преступников и замерли в ожидании указаний. Заместитель суперинтенданта, или помощник субинспектора полиции – сокращенно DSP, – такое звание, судя по знакам отличия, было у прибывшего начальника – не спеша принял от подчиненных документы задержанных и принялся внимательно их изучать. Обычно офицер с таким званием исполняет обязанности следователя или является ответственным за полицейские посты «пхари»; в учебных центрах офицеры звания DSP могут быть и инструкторами, а также ответственными за склады с оружием. В нашем случае помощник заместителя инспектора, судя по всему, выступал в роли следователя для определения тяжести совершенного преступления, изобличения преступников, их оправдания и наказания непричастных. Заглянув в машину и увидев там мирно посапывающего Юльича, субинтендант не стал его беспокоить. Видимо, решив, что какой-либо опасности большой белый человек в таком виде пока не представляет, в отличие от того, если его разбудить и получить непредсказуемые последствия; а кто его знает? Как известно, не тронь лихо, пока оно тихо. Просмотрев бумаги, начальник выслушал объяснения нашего Пандея и отдал распоряжение констеблям приступить к оформлению случившегося.

К нашему небольшому разочарованию, скручивание ласт прожженному рецидивисту Шудипто не произошло – по той причине, что в процессе разбирательства Шудипто словно растворился в воздухе и дематериализовался, будто его и не существовало. Хотя мы с Пашей с нетерпением ожидали, что Шудипто как первопричине произошедшего и возмутителю спокойствия немедленно оформят согласно законам Ману направление на физиотерапию плетеными веревками с последующим обритьем головы, заливом свинца в горло или, на худой конец, просто выпишут направление явиться в тюрьму с последующим предписанием на расстрел. Но каким-то образом Шудипто стал вдруг незаметен, и на него все перестали обращать внимание: он вроде бы и находился рядом, но выпал из поля зрения, как человек-невидимка; все-таки вовремя смыться – это тоже искусство.

Тем временем субначальник еще раз переговорил с Пандеем: причем в совершенно спокойном тоне, видимо что-то уточняя; после чего Пандей замахал нам рукой, предлагая возвращаться, поскольку все разбирательство подошло к концу.

– И что в итоге? – обратился Пал Владимирович к материализовавшемуся в наш мир Шудипто. – У нас машину арестовывают или просто оформят штраф?

– Штраф выпишут, – вяло пояснил Шудипто, – на Пандея.

Пал Вадимович в ответ только хмыкнул, но комментировать что-либо еще не стал – а смысл?

– А можно мне вас сфотографировать? – неожиданно для самого себя обратился я к главному полицейскому. – На память? Это будет хорошее фото – индийские полицейские за работой!

В своем воображении я уже видел фото инспектора по всей форме и при исполнении, но при этом, честно говоря, не особо надеясь на удачу. Но к моему удивлению, начальник благосклонно качнул головой в стороны, что-то сказал своим констеблям, и они тут же выстроились передо мной в одну шеренгу по ранжиру согласно званию и росту. При этом начальник жестом пригласил Пал Вадимовича занять место рядом с собой, и Паша не замедлил влиться в шеренгу доблестных полицейских, дополнив ее согласно положению строевого устава – то есть в шеренге первым по росту.

Я тут же сделал пару фотографий и продемонстрировал всем получившиеся фотографии на дисплее камеры. Фото очень понравилось начальнику и рядовым – они с одобрением оценили свои изображения и внешний вид: строгий, но доброжелательный – как говорится, с человеческим лицом. На прощание мы пожали им руки, поблагодарили за добросовестную работу и проявленное снисхождение; еще раз, приложив ладони к груди, раскланялись и тронулись в путь, уже не обращая внимания на возжеленные наггетсы, тем более что заказчик так и не проснулся. А испытывать второй раз судьбу и терпение блюстителей закона мы не рискнули.

От нечего делать я на ходу стал просматривать фото на камере.

– Паша, смотри, – протянул я ему камеру, показывая последнее фото. – Что видишь?

– Только что сделанную фотографию.

– А так? – и я увеличил фото.

В увеличенном кадре над правым карманом рубашки субинтенданта четко читалось: M. SINGH.

– Пандей у нас тоже из сикхов, – напомнил я.

– Да, действительно, – согласился Пал Вадимович.

И тут же, не упуская возможности поддеть Шудипто, повернулся к нему:

– Теперь тебе, Шурик, понятно, что тебя отвело от бамбуковой палки по пяткам?

Шурик что-то недовольно пробурчал в ответ, и до самого Дханбада мы больше от него не слышали ни слова; а весь пыл и энтузиазм его исчезли, как когда-то в трясинах костромских болот исчез отряд польско-литовской шляхты вместе с героическим Иваном Сусаниным.

Квест

I

У нас появился новый водитель. Ну, не совсем чтобы новый – он просто ездил на другой машине, возил больше офисный люд мистера Упадья. Из каких глубоких стратегических соображений мистер Упадья решил провести рокировку – то нам неизвестно. Но факт был явлен, что называется, налицо.

– О! Ты кто? – уставился Юльич на человека, сидящего за рулем «Скорпио» и поджидающего нас у входа в отель.

Пять пар глаз повторили маневр начальника. В этот день мы собирались всем коллективом проводить плановое техническое обслуживание одновременно на двух карьерах. ВССЛ на несколько дней приостанавливал работу в карьерах, и у нас появилась возможность заняться углубленным техобслуживанием.

– Я его знаю! – вспомнил Ваня. – Он на другой машине ездит.

– И в постоянном неадеквате, – добавил Саня.

– В смысле? – не понял Юльич.

– Да ты, Юльич, на его глаза посмотри, – предложил Саня. – Он же все время эту свою фигну жует: с утра до ночи!

– Во-во! – подхватил брат. – Вечно глаза красные и плюется красной слюной!

Кровавый сгусток из окна водителя прошелестел в воздухе и, смачно шлепнувшись прямо нам под ноги, подписался под каждым Саниным словом.

Водитель обвел всех шалыми глазами и бессмысленно уставился на нас – типа ну и че? Вам ехать надо или шашечки?

– Вот! Видели! – засмеялся Ваня. – Я ж говорю!

Понимая всю безальтернативность ситуации, Юльич неуверенно предложил:

– Ну что? Поедем тогда? Может, и не так все смертельно?

– Тьфу на тебя! – усмехнулся Ваня. – Поехали. Что нам остается?

– Они же постоянно этот пан жуют, – уже в машине стал делиться наблюдениями Ваня.

– Видели почти у каждого такую коробочку жестяную? С травками разными? Ее еще продают в каждой лавке? Они это все смешивают прямо в ладошке вместе с известью. И после втирают прямо в десны – так лучше всасывается в кровь. И он, пан этот, начинает на них действовать как энергетик какой или стимулятор. Ну, или наркотик легкий. Поэтому человек уже и спать не хочет, и дальше работать может. Правда, от него глаза шальные и все время плюются красным: глотать-то нельзя – весь желудок сожжешь.

– Потому у них и зубы все коричневые, – добавил Саня. – И веером наружу.

На следующий день мы разделились. Братья вместе с Саньчем уехали раньше. Потому мы в офисе взяли вторую машину: работы по механической части еще было много, и для того чтобы все успеть, решили не затягивать и на механический сервис выехать с утра пораньше. Тем более что вместе с механиками поехали инженеры Мукеш и Сону, и всем колхозом в одной машине уже было не уместиться.

Мы с Юльичем выдвигались чуть позже, предварительно завернув в офис. Позавтракав, спустились вниз, где нас уже поджидал «Скорпио». За рулем сидел вчерашний водитель.

– О! Старый знакомый! – оценил Юльич. – Ладно, вчера вроде нормально возил. Может, сегодня будет не хуже.

Земля под опущенным водительским стеклом была щедро сдобрена темными кровавыми пятнами.

– Хотелось бы надеяться, – проворчал я, взглянув на землю и забираясь на заднее сиденье.

Мы выехали из города на первый перекресток и, не снижая на нем скорость, лихо повернули налево. Бешено взревевший всеми клаксонами грузовик, едва успевший затормозить, чтобы не влететь нам в правый борт, наш водитель даже не удостоил внимания. Он даже голову не повернул в ту сторону. Дикий визг покрышек и бешеный рев клаксона увернувшегося грузовика на него произвели такой же эффект, как на Будду в медитации. Ноль.

Мы с Юльичем переглянулись.

– Что это было?! Здесь же обычно останавливаемся и пропускаем всех, кто справа идет по трассе?!

Но, видимо, сегодня был особый день. Юльич внимательно посмотрел на водителя.

– All o'kaу? – спросил он водилу.

– Ача»! – ответил тот на хинди.

– Да, что-то не совсем ача», – пробормотал Юльич, как бы размышляя вслух.

«Ача» на хинди «хорошо» означает. Или типа: «Все пучком!»

Дорога теперь пошла прямо; и дальше пару километров до следующего перекрестка, где нам следовало повернуть направо.

Водитель поддал газу, и мы бодро влились в попутный поток. Вдалеке на встречной полосе показался байк. Судя по всему, ехал он как обычно – со скоростью километров пятьдесят. Мы чуть быстрее – где-то под восемьдесят. Дорога на этом участке была вполне приличная, с ровным и относительно не выбитым асфальтом. Машин и байков на дороге было еще немного: с утра трафик всегда более-менее приемлемый, в отличие от обеденного времени – когда на дороги вываливаются желтые школьные автобусы; тогда движение может существенно замедлиться, если вообще не превратиться в пробку. Потому старались выезжать особо не затягивая – как, собственно, и сегодня.

Неожиданно наш водила заложил крен, и наш кар выскочил на встречную полосу. «Что-то на дороге?» – промелькнуло у меня в голове. Но ям на дороге не было. Был байк вдалеке. Встречный мотоциклист, обнаружив еще издали на своей полосе наш кар, быстро свернул на свободную сторону. Наш водитель, видимо спохватившись, что он едет явно не по своей полосе, где, собственно, должен, исправляя ситуацию, резко переложил руль – с твердым намерением вернуться на правильную сторону. Но на нашей правильной полосе навстречу уже двигался байк и уже по своей неправильной полосе.

Ладно бы навстречу мотоциклисту неслись уступом, заняв всю ширину дороги и сметая всех на пути, несколько черных тонированных авто. Тут-то все как раз понятно – так ездят бандиты и политики; и это для всех обычное дело: потому все, кому в такой момент повезло оказаться в этом месте и в этот час, просто сваливались от греха подальше прямо на обочины или в кювет. Но для байка наш авто был вовсе не черного цвета, а даже наоборот – белого. И притом один.

Вероятно, потому байкер на этот раз решил, как обычно, не валиться в канаву, что тянулась вдоль дороги, и заложил вираж в сторону от белого авто, прущего на него в лоб. Наш джигит с рулем, понимая, что втемяшиться друг в друга со скоростью сближения под сто сорок километров в час – затея явно не очень продуктивная, резко дернул руль на свободную полосу. Которая неожиданно для нашего водилы вновь оказалась почему-то не очень свободной. Но ведь именно за секунду до принятия этого решения именно туда свинтил и байк. Мы быстро сблизились, и байкер, уворачиваясь, дернулся обратно. Наш кар ответил зеркально.

Беда заключалась в том, что, как я понял позже, у нашего водилы через расширенные от пана зрочки и образовавшейся в них пановый туман визуальный сигнал по пути к затума-

ненному мозгу достигал извилин несколько позже, чем у байкера. Потому действия нашего индийского Алена Проста на пару секунд отставали от действий байкера; а на деле являлись банальным плагиатом действий мотоциклиста – но с некоторой задержкой: байкер от нас в сторону, и мы от него... в ту же сторону – встреча; байкер – назад; и мы назад – опять встреча.

Виляя влево-вправо, мы перли друг на друга, будто в танке на таран, когда все снаряды закончились, но из злости уступать в смертельном бою уже никто не хотел, и уже все пофиг! Байкер дернулся обратно. Мы тоже. Байкер не согласился с такой постановкой вопроса и, уврачиваясь, рульнул назад. Через мгновение наш авто восстановил статус-кво и, скорректировав траекторию движения, упрямо продолжил нестись на несчастного байкера.

Расстояние между нами стремительно сокращалось, и шансы уйти от лобового столкновения катастрофически таяли прямо на глазах.

– Да что ж ты делаешь?! – взорвался Юльич и, схватившись правой рукой за руль, резко вернул «Скорпио» на свою полосу. Несмотря на сопротивляющегося водилу, вцепившегося в руль обоими руками, Юльич умудрился одной рукой удержать машину на своей полосе. И буквально через мгновение справа от нас встречно пронесся байк.

– Ты что творишь?! – заорал в бешенстве Юльич.

Водитель с нескрываемым недоумением повернул голову в сторону Юльича: в его очумевших от пана зрачках стоял полный глубокой и скорбной печали немой укор. Большой Белый Босс гневался, и от этого несчастному становилось вдвойне невыразимо тоскливо и очень грустно.

– Езжай прямо! Сиде!»! – махнул рукой Юльич, выпуская руль.

«Сиде»» на хинди «прямо» означает.

Впереди нас уже поджидал очередной перекресток. Тут надо сказать, что все перекрестки в Индии преодолеваются участниками движения – будь то хоть буйвол, хоть грузовик – по правилу «кому куда надо». Потому преодоление перекрестков зачастую несколько затягивается; несмотря на активную жестикуляцию водителей и их помощников, какофонию клаксонов и даже присутствие полицейского, действия которого обычно активно способствуют образованию окончательного и глухого затора. Но при этом все каким-то образом, уступая и пропуская друг друга, разъезжаются.

Но нынче вышло по-другому.

Не снижая скорости и даже поднажав на газ, мы влетели на перекресток и прошли его насквозь, словно пуля воздушный шарик. Возникший откуда-то справа байк не врезался в нас только потому, что мы пронеслись перед его носом с такой скоростью, что байк просто не успел врезаться нам в морду и, даже не среагировав, просвистел у нас уже где-то за спиной. Я охнул и резко повернулся назад, пытаясь понять, что дальше произошло с мотоциклистом. Но на дороге никого уже не было. Судя по всему, байкер продолжил свое поступательное движение в канаве.

И тут уже взорвался я. Синхронно с Юльичем. Не сговариваясь.

– Ты что творишь?! Совсем офигел?! – в две глотки рявкнули мы.

– Стой! Стоп!! На обочину!!! – приказал Юльич. – Останавливайся!

И ткнул рукой на край дороги. Водитель понял и с полным безразличием свернул с дороги на обочину. Мы остановились.

– Что делать будем? – повернулся ко мне назад Юльич. – Он не иначе решил нас сегодня убить! Полный неадекват!

Я вздохнул.

– Вчера были у нас сомнения. Сегодня подтвердились.

– Как ехать дальше? С ним мы далеко не уедем.

– А что остается? – рассудил я. – Пусть едет тихо, держи его на контроле. Главное, чтобы не гнал. У нас дел невпроворот, чтобы все отменять.

– В том-то и дело, – согласился Юльич и повернулся к водителю.

– Короче, так! – начал он. – Look на меня! Сюда смотри! Speed тебе only fifty! Пятьдесят километров скорость! Понял? No fast! Тихо! Понял? Ача»?!

Водитель согласно закивал: «Ача» – он понял.

– Fifty! Пятьдесят! – потыкал Юльич на спидометр. – Понял?

Водитель снова кивнул – уж чего-чего, а безропотно мотылять головой он был согласен, только бы Большой Босс не ругался.

– Ничего он не понял, – говорю я сзади. – Английский у него ни разу. И хинди для него в таком состоянии – как английский: тоже не андестенд ни в зуб. Ты, Юльич, просто контролируй его, если начнет газовать.

– Ладно, поехали. Завтра скажу Упадье, чтобы этого водилы у нас и на дух не было! Пусть на ком другом тренируется, – принял он решение.

И, повернувшись к водителю, рявкнул:

– No speed! – и для пущей убедительности сунул тому под нос пудовый кулак. – Look-look на хайвей! Понял?! – и сунул под нос второй.

Для окончательного понимания, растопырив пальцы, потыкал ими себе в глаза, на спидометр и на дорогу. Водитель вяло мотнул головой, что могло означать все что угодно: лишь бы белые люди не гневались. И в полной прострации воткнул передачу.

II

На следующий день Юльич уехал в Калькутту помогать нашему индийскому представителю мистеру Бэнерджи в подготовке документов для участия в закрытом тендере, который в очередной раз объявила угольная компания. После смещения мистера Бэнерджи с поста подрядчика руководство завода тем не менее на произвол судьбы его не бросило и, исходя из взглядов человеческого сострадания, предоставило мистеру Бэнерджи возможность снискать себе хлеб насущный в качестве представителя завода по тендерам.

Мы уже знали, что на тендер заявили американцы и китайцы. Потому шансов у нас особо не было – китайцы всегда сильно демпинговали и ни перед чем не останавливались. Но тем не менее попробовать стоило.

Мы же в Дханбаде планировали заканчивать свои работы по техническому регламенту.

Машина уже стояла перед отелем, когда мы дружно – Саньч, я и два брата – вышли на улицу. Я сразу направился к задней двери и сунул в багажник свой дежурный рюкзак, в котором у меня находился инструмент, приборы и прочая нужная мелочь. Все уже сидели внутри, когда я собрался последовать их примеру. Мой взгляд без всякой цели скользнул по машине, по земле со стороны водителя и... по бурым пятнам! Я в изумлении поднял глаза – за опущенным водительским стеклом с абсолютно пофигистским выражением лица и таким же бессмысленным, ничего не выражающим взглядом сидело наше вчерашнее неадекватное.

Запущенный из окна водителя очередной кровавый сгусток прочертил в воздухе изящную параболу и с традиционным шлепком, зафиксировав статус-кво, смачно припечатался к земле: вся почва со стороны водителя была густо уляпана свежими кровавыми пятнами.

– Так. Стоп. Я с этим никуда не поеду! – заявил я всем. – Мы вчера с этим «другом» за пятнадцать минут чуть в три аварии не попали! Подряд! Юльич грозился, что водителя нам сменят. И что?!

– Да ладно, Серега, поехали!

– Не, господа-товарищи. Мне цирка вчера хватило. А работы у меня и здесь хватит: вон надо кучу актов написать, ремонт есть мелкий – перепаять надо платы некоторые. Так что хотите – езжайте. А меня – извините.

И я, выдернув из багажника рюкзак, направился ко входу в отель.

Через пару часов в телефоне раздался голос Юльича:

– Серега! А ты чего от работы откосил?

– В смысле?

– А чего на экскаваторы не поехал?

– А ты не в курсе? – отвечаю. – Если про меня знаешь, то и про водителя должен знать.

– А что водитель? – прикинулся начальник.

– А ничто – в прямом смысле. Все тот же. С которым мы вчера катались. Ты обещал, что водителя заменят. И что? А насчет работы – то у меня и здесь дел хватает: акты надо на завод отправлять и ремонт мелкий, – добавил я.

– Ну, ладно, занимайся. С водилой потом будем разбираться, – великодушно согласился Юльич и отключился.

На следующий день у входа в отель нас уже ожидала наша старая машина вместе с нашим верным Джогиндором.

Как потом мы узнали, мистер Упадья на несколько дней забирал его с собой на свадьбу к родственникам, гостей возить. А вместо проверенного и надежного Джогиндора посадил нам другого – сменщика.

Сменщик этот потом работал некоторое время на другом авто. Но недолго.

Уволился вскоре.

Или уволили.

Клава

I

«Ак... ..ехнического сос... ояния» – буква «Т» опять не пробивалась: я составлял очередной технический отчет. Буква «Т» у меня на ноуте давно валяла дурака. Как и клавиша пробел, дружно присоединившаяся к празднику непослушания.

Дальнейшая попытка написать отчет смысла уже не имела: по той простой причине, что документацию надо писать как минимум грамотно не только технически, но и на нормальном русском языке. По крайней мере, я так привык – в армии это называлось «штабная культура», там и приучили. Вообще, написание всяких бумажек только на первый взгляд кажется бюрократическим занятием для бездельников. Но жизнь доказывает обратное: грамотно составленная бумажка – это не только инструмент для достижения своей цели в хитро выстроенном административно-бюрократическом лабиринте; но и средство индивидуальной защиты от начальства и дураков; что зачастую – уж извините, но такова правда жизни – есть синонимы. Правда, к счастью, встречаются исключения – тогда это остается в памяти на всю жизнь. Именно потому бумажки – даже самые незначительные – надо писать правильно, грамотно и точно. С выпадающей «Т» и пробелом я этой возможности был лишен: писать грамотно не получалось, а выглядеть идиотом не хотелось. При том что клавиатуру я из ноута уже вынимал и пытался реанимировать. Но безрезультатно: клавиатура была неразборная. Ситуация приближалась к цугцвангу – когда следующий ход только ухудшал положение: если накрылась одна кнопка, а за ней – другая, значит, жди следующие.

– Юльич, – зашел я в номер к начальнику, – с актами у меня трындец: не пробиваются некоторые клавиши. Или завтра еду в офис и зависаю там, или надо внешнюю клавиатуру подключать.

– Акты нужны сегодня, – Юльич никогда не откладывал работу подчиненных на завтра.

– Не вопрос – могу накатать от руки, – парировал я ценное указание.

– От руки не положено: только в печатном виде и мне по электронке на почту, на подпись! – строго указал начальник.

Ситуация принимала действительно идиотский оборот: мало того, что я по техническим возможностям был не в состоянии выполнить первое требование, но и второе было из разряда еще худших. Начать надо с того, что все специалисты завода жили рядом – все номера шли друг за другом и находились в тупиковом крыле отеля: чтобы начальству и не ходить далеко, и там в тупичке тише, и опять же все под присмотром. Мой номер был предпоследним в коридоре, замыкающим был Юльича; потому он обычно, чтобы позвать меня к себе, не звонил, как все, по внутреннему телефону, а тупо молотил кулаком в стенку. Но эти неработающие у меня клавиши были не самой большой проблемой. Было еще одно обстоятельство. Вернее, его не было – не было интернета. Нет, формально инет был – во всех туристических буклетах и на сайте Booking.com наряду со всеми гостиничными плюшками для гостей интернет также присутствовал. И в обычном режиме – утром или днем – тянул более-менее, и можно было иногда почитать почту или даже пообщаться по скайпу с домом. Но не вечером. Вечером начальник начинал активно качать из интернета музлу или киношки, чем засаживал весь отель в ноль. При этом на робкие жалобы подчиненных Юльич утверждал, что сажать весь отельный интернет на пятую точку он никак не может по причине суперскоростной выделенной для него персональной «выделенки». Жизнь подтвердила правоту начальника – линия была; но одна – на всех и на весь отель. Потому интернет работал по золотому правилу «кто первым надел халат – тот и врач». А поскольку подчиненные в течение дня, как правило, находились

на работе, а начальник – в отеле, то весь отельный интернет отсасывал начальник: еще до возвращения подчиненных. А вечерние остатки тем более.

– Индия, брат... – разводил руками Юльич в ответ на жалобы от подчиненных на чахлый интернет и, соответственно, невозможность переслать начальнику ежедневные отчеты о проделанной работе.

Потому поставленная мне задача о немедленном составлении и предоставлении актов втыкалась в две серьезные проблемы: первая упиралась в непробиваемые буквы, а вторая – в начальника. Который выстроил логистику бумаготворчества через оформление бумажек каждым у себя на своем компе и дальнейшую пересылку к нему в соседний номер по интернету – того самого, которого не было. Альтернативный вариант – просто прийти к начальнику и там со слов подчиненных за пару минут набить бумажку у него в номере на его компе априори не рассматривался по причине четко выстроенной вертикали власти и соответствующей таблицы о рангах. В результате чего по возвращении с работы все ежедневно – и непременно до помойки личного состава и долгожданного ужина – тут же дружно садились у себя по номерам, и принимались писать отчеты, и сразу слать их по инету. Чем остатки несчастного инета, уже всюю качающего для начальника музлу и киношки, добивались окончательно и безжалостно.

– Акты должны быть сегодня, – статье воинского устава «начальник всегда прав» Юльич следовал неукоснительно.

– Сделаю. Но как получится: без «Т» и без пробелов, – взял я под козырек и повернулся уходить.

– Подожди, – тормознул меня Юльич, – дам я тебе клавиатуру под USB. На время!

И, поковырявшись в тумбочке среди завала разных компьютерных примочек, минут через десять вынул клавиатуру.

– Это что?! – не понял я, принимая от начальника протянутое.

– Это мини-клавиатура: прикупил в Дубае, – похвастался довольный Юльич, – правда прикольная?

Клавиатура действительно была прикольная – с миниатюрными кнопками со спичечную головку и сама размером в пару спичечных коробков.

– И как на ней набирать текст? – недоуменно уставился я на начальника. – На ней можно работать только одним пальцем, а лучше – тыкая спичкой, чтобы другие кнопки не зацепить.

– А нормально! Я уже пробовал – вполне удобно!

По умолчанию очередной прикупленный Юльичем гаджет однозначно имел эксклюзивное значение и должен был вызывать у зрителей как минимум обильное слюноотделение от зависти, а как максимум – падение ниц с отбиванием поклонов лбом об пол.

– И потому ее пришлось искать полчаса – потому как вещь весьма удобная и постоянно востребованная, – не удержался я от сарказма. – Ладно, – не стал я спорить, – на безрыбье и сам рыбой станешь. Беру, посмотрим, что получится.

С тем и ушел.

Спустя некоторое время я с первым пробным актом пошел к начальнику.

– Ну, вот видишь! – обрадовался он. – Получилось же! Значит, можно работать!

– В общем, можно, – согласился я. – Несколько заморочисто, но как временный вариант – сойдет.

– Вот! – начальник излучал неподдельное счастье, как ребенок, чья игрушка в песочнице произвела фурор среди сверстников. – Так что работай! А про свой ноут поговори с нашим Ракешем – он мне прошлый раз тоже клавиатуру менял. Кстати, и вышло дешевле, чем у нас дома.

– Seriously? – заинтересовался я. – Надо бы тогда переговорить с ним – пока еще есть время до отъезда.

– У тебя еще неделя впереди, вполне успеет сделать, – убедил меня начальник.

II

– Mister Шудипто! А скажи мне, наш Ракеш может найти мне новую клавиатуру на мой ноутбук? – пожал я руку, здороваясь с транслейтером на следующий день в офисе.

– У вас проблема? – Шудипто с готовностью включался в решение вопросов, связанных с чем угодно, но только не с работой. Все, что было связано с работой, Шудипто тут же утомляло, вызывало неизбежную тоску, зевоту и упадок сил.

– Некоторые буквы не пробиваются, – пояснил я. – Клавиатуру надо менять целиком.

– Сейчас с Ракешем поговорим.

Мы подошли к Ракешу, сидевшему на своем рабочем месте за конторкой. Служебные обязанности Ракеша сводились к обеспечению работы всей оргтехники в офисе, с чем он вполне успешно справлялся. Проще говоря, Ракеш выполнял функции системного администратора. И не только: кроме офисных компьютеров, принтеров, сканеров к Ракешу обращались как по поводу телефонных SIM-карт, домашних модемов, роутеров и прочих гаджето-девайсов; так и по вопросу, что где можно купить или отремонтировать. Будучи по характеру очень приветливым и вежливым, он никому не отказывал при обращении.

Выслушав Шудипто, Ракеш, как всегда улыбаясь, покачал влево-право головой, что означало: «Не вопрос! Порешаем проблему!»

– Ракеш спрашивает, что за ноутбук; и тогда он узнает, что можно сделать, – перевел с хинди Шудипто.

– Asus eee-101. Старенький, но мне для работы хватает. Только уточни, что я через неделю уезжаю и, если есть возможность купить, то просто купить, а поставлю сам.

Шудипто перевел, Ракеш снова покачал головой – сказал: «Ача!», и я, довольный успешно положенным началом, занялся своими делами.

Вечером позвонил Шудипто:

– Mister Сергей, Ракеш нашел, где купить клавиатуру. Ракеш говорит, что ему нужен компьютер. Поэтому я сейчас приеду к вам в отель, и Ракеш все сделает.

– Стоп! Подожди! Зачем ему ноутбук? Пусть просто купит клавиатуру – я дам денег. А дальше я сам все поменяю!

– Ракеш сказал, что ему нужен ноутбук, чтобы знать, что все сделано хорошо и правильно работало, – стал втолковывать мне механик-транслейтер.

– А что там может работать неправильно? – не понял я. – Компьютер при включении даже не тестирует систему на наличие клавиатуры. У меня этот ноут стоит в полуразобранном состоянии: в лицевой панели, можно сказать, дыра; весь отельный персонал ходит и удивляется, как это мистер Сергей работает на компе, когда от него, в их понимании, осталась половина.

– Я говорю, что сказал Ракеш, – со вздохом продолжил Шудипто. – Он говорил мне, я говорю Вам: нужен компьютер.

Святая вера во все хорошее против всего плохого в очередной раз сбила меня с толку. Как и наивность в альтруизм всего человечества.

– Хорошо, на какое время Ракешу нужен ноут?

За ноут и его содержимое я не опасался: все шифры и шифроблокноты для связи с центром, пароли, явки, банковские реквизиты для резидентуры и диверсионных групп, запасные схемы отхода и закладок я в ноуте не хранил. По причине того, что в посольстве я не работал и данный вид деятельности вообще не являлся моей сферой. А личная переписка и фото для чужих глаз большой ценности не представляли.

– Только на вечер! – заверил меня супервайзер. – Я сейчас приеду, заберу и через час привезу назад!

Сомнения еще таились в моей душе, но я сдался: если через час ноут вернется назад – то не стоит особо переживать; пусть Ракеш занимается.

– Хорошо, – со скрипом согласился я, – приезжай.

– Отлично! – почему-то обрадовался решатель всех проблем. – Я сейчас приеду! Только никуда не уходите!

Некоторая активность со стороны транслейтера, вечно пребывающего в полуобморочном состоянии с выходом из него исключительно на время ланча, меня несколько озадачила. Но обещанный всего лишь час без ноутбука усыпил мою бдительность. «Ладно, один час – переживу», – успокоил я сам себя.

Шудипто примчался быстро, что уже было довольно странно, забрал ноутбук и упылил в вечерний Дханбад: было около шести вечера, и за окном уже темнело – в восточной Азии световой день заканчивается рано.

Прошло часа два. Шудипто не звонил. Понимая индийскую ментальность, я дал фору еще в час и позвонил Шудипто сам.

– Шудипто! Как дела? Ты обещал вернуть ноут через час, уже прошло три. Расскажешь чего?

– Мистер Сергей, еще не готово. Ракешу еще надо время. Давай завтра.

На завтра у меня планировались работы в карьере, куда я должен был уехать с утра.

– Завтра – это когда? Я с утра еду на Блок-2, – напомнил я.

– Завтра – это после ланча. Там, где Ракеш спросил клавиатуру, еще нет. Но сказали, что после обеда будет.

– Хорошо. Но смотри, Шудипто, держи на контроле!

«Все равно как минимум я буду до обеда занят, – прикинул я, – будет не до ноутбука. Только если вечером понадобится – чтобы начинать готовиться к отъезду».

Обычно перед отъездом за несколько дней я уже приступал к подготовке отчетной документации по работе: предстояло написать финансовый отчет с приложением всех счетов и билетов, сделать на них перевод – оригинальные счета шли на английском, написать заявления в бухгалтерию по расходам и компенсациям, составить отчет о проделанной работе; заодно привести в порядок текущую местную документацию – дописать недостающие акты по аварийке, акты по техсостоянию экскаваторов, заявки на запчасти и материалы, остатки по складу запчастей и прочей мелочи. Разумеется, в наш век, когда космические корабли бороздят просторы Вселенной, все предстояло оформлять в электронном виде, то есть на компьютере. Иногда эту работу приходилось делать в офисе, но чаще на своем ноутбуке, обычно где-то за неделю до отъезда. Поэтому ноутбук мне уже был нужен – причем с полноценно работающей клавиатурой. Но время пока еще терпело – пара-тройка дней в запасе была.

– Как дела с ноутбуком? – позвонил я Шудипто на следующий день из отеля уже под вечер, когда вернулся после работы.

– Мистер Сергей! Вечером привезу! – бодрячком рапортовал мне вдохновитель и организатор всех побед.

– Хорошо, жду.

«Ладно, пока просмотрю все счета по расходам, проверю, может, что-то придется допечатывать», – прикинул я и принялся за бумаги.

Часы уже показывали около девяти вечера: время, когда все рабочие дела однозначно заканчивались, кроме аварийных. Шудипто не звонил. Тогда набрал я.

– Шудипто! И что с ноутбуком? Обещал позвонить, и ни ответа, ни привета! Уже ночь на дворе!

– Я позвоню, – ответил Шудипто и нахально отключился.

Я недоуменно уставился на телефон в полном непонимании, что происходит. И, поразмыслив, решил подождать еще: вера в человечество во мне еще окончательно не угасла.

Наступил следующий день.

– Шудипто! Что с ноутбуком?! – начал я утренний созвон с транслейтером с хинди на русский и обратно. – Ноут где?!

– Здравствуйте! – для начала осадил меня знаток русской души по Достоевскому.

– И вам не хворать! – озлился я. – Что с ноутбуком?!

– Нормально все с вашим ноутбуком, – лениво растягивая слова, словно делая одолжение, произнес Шудипто. – Делаем...

– Что «делаем»?!

– Все делаем – что надо, то и делаем... – ленивый голос с той стороны готов был вот-вот вывалиться из реальности в вечный сон.

– Шудипто! Я сейчас жду машину – еду на весь день на Катрас. Но чтобы к вечеру было готово! Понял?

– Понял-понял, – Шудипто явно еще не проснулся. – Езжайте на свой Катрас – все будет хорошо.

Откровенное нахальство транслейтера на мгновение вызвало у меня оторопь. Но тут же и взорвало:

– Катрас, на секундочку, ваш!!! А не мой! И хватит в офисе отсиживаться, дуй в карьер!

– Там Сону будет, – перевел стрелки толмач, – если что...

– Короче, вечером! – и я в негодовании от шудиптовского пофигизма отключился, Шудипто было бы проще убить. Но это позже и с садистским удовольствием, сначала надо было забрать ноут.

Вечером уже из отеля я набрал Шудипто:

– Излагай...

– Как у вас дела на Катрасе? – пропустил он мимо ушей вопрос.

– Это я должен тебе доложить, что у вас в компании делается на Катрасе?! А не наоборот?! Может, это ты мне должен рассказать о положении дел?! – офигел я от такого захода.

– Я работал в офисе, – терпеливо, как с психически неадекватным человеком, стал втолковывать мне синхронист с хинди. – Вы были на Катрасе, потому я вас спрашиваю, – равнодушно пояснил он.

– Нормально у НАС на Катрасе! С ноутом – что?!

– Делают...

– Шудипто! Мне уже надо готовить документацию – у меня времени немного остается, мне некогда разводить бодягу с ремонтом ноутбука. Ты это понимаешь?

– Я понимаю. Я вам говорю – делают. Как сделают, так и заберете.

Шудипто надо было бы еще в прошлой жизни во время восстания сипаев в 1859 году привязать к жерлу пушки и выстрелить – один фиг не пробило бы.

– Все, завтра поговорим, – подвел я итог, понимая всю дальнейшую бесполезность общения.

На следующий день на меня посыпалась аварийка: сначала в одном месте, потом в другом; самостоятельно разобраться с возникшими неисправностями у мистера Гуду с мистером Примом не получилось – пришлось помогать.

До отъезда оставалось три дня: билеты уже были на руках. Надо было еще забронировать промежуточный отель в Калькутте – до меня почему-то отъезд из Дханбада на Родину практиковался по ночам: самолет на Дубай улетал около девяти утра, и обычно уезжали из Дханбада в ночь, чтобы к утру приехать в Калькутту к самолету. Первый раз я тоже выезжал таким же образом. После чего задал вполне логичный вопрос: а почему бы не уезжать не в ночь, прибыв в аэропорт невыспавшимся и помятым, а вместо этого выезжать из Дханбада с утра – потратить день на дорогу до Калькутты, переночевать там же в отеле и с утра на свежую голову выдвигаться в аэропорт? Тема, поднятая мной, оказалась актуальной, и порядок выезда изменился. Таким образом, у нас в Калькутте появился отель De Sovrani, бронь в котором была возложена на Шудипто с соответствующим дисконтом как постоянному клиенту. Пора было звонить Шудипто.

– Шудипто, привет! Два вопроса: через три дня у меня самолет на Дубай...

– Мистер Сергей! Вы уезжаете?! – перебил меня Шудипто с неизбывной тоской и неподдельной скорбью в голосе, словно я уезжал пожизненно на урановые рудники в Сибирь.

– Типа того – к твоей великой радости, – продолжил я, – некому будет тебе мозг выносить работой. Посему забронируй мне номер в De Sovrani через два дня.

– Сделаю, – готовность Шудипто заняться одним из своих любимых дел не вызвала сомнений, как и все, что было не связано со словом «экскаватор».

– И второе... – я сделал паузу, набрал полную грудь воздуха, на мгновение собрался с силами и выдохнул: – ГДЕ МОЙ КОМПЬЮТЕР?!!

Понять меня в этой ситуации было очень просто. Дело в том, что все исходные данные для составления отчетов по работе находились в ноуте. А поскольку ноутбук у меня, естественно, был русифицирован, то нельзя было исключать вероятность того, что не владеющий русским языком местный «специалист» в пылу трудового энтузиазма не нажмет на раздел «форматировать диск». Не брать в расчет такое было нельзя, и подобные мысли меня стали реально напрягать. Надо было срочно возвращать ноут хотя бы в том виде, в котором он был передан в заботливые руки индийских партнеров.

– Мистер Сергей, я вам уже говорил – вечером будет ноутбук, – вылил на меня ушат ледяной воды гений перевода.

– Ты мне каждый вечер это говоришь! Уже четвертый день! Короче, – подвел я итог, – сегодня чтобы ноут мне вернул! Сделали клавиатуру не сделали – мне все равно! Вечером чтобы привез! Понял?!

– Понял, – вздохнул голос на той стороне.

– Все! Вечером чтобы был! С ноутбуком!!

Часы показывали уже около десяти часов вечера, когда я понял, что завтра с утра, наплевав на все дела, надо ехать в офис – вызволять ноутбук.

Наплевать не вышло: опять пошла аварийка, и весь день я провел в карьере.

Похоже, все индийские боги отвернулись от меня. Кроме одной – разрушительницы Кали: если уж она в порыве гнева в состоянии одним выдохом уничтожить всю Вселенную, то похоже, что развал всего мироздания она начала с ухайдокивания моего лэптопа и вместе со мной. Но только не Шудипто. Как показала жизнь, этого ничем не взять – даже дуством.

III

Мы вернулись из карьеров в Дханбад, когда уже окончательно стемнело: по времени было около шести вечера. Но, несмотря на это, я решил ехать разбираться с ноутбуком. И потому, выса-

див у отеля Саныча, я ломанулся в самое гнездо местных наперсточников, индийских факиров и сказочников, в которое местные Остап Бендер и Паниковский превратили офис мистера Упадья.

В офисе меня не ждали. В такое время мы сюда обычно уже не навевывались.

– Мистер Сергей... – растерялся Шудипто, увидев меня на входе.

Ракеш, сидевший на своем месте за конторкой, быстро переглянулся с Шудипто и насто-роженно уставился на меня.

– Ноут где? – не стал я размазывать манную кашу по тарелке.

– Ноутбук еще в ремонте... – пролепетал мистер Шудипто неуверенно.

– Где в ремонте? – мой ледяной голос не скрывал моего отношения к происходящему.

– В сервисе... – промямлил Шудипто.

– Поехали в сервис! – скомандовал я.

– Там нет никого... – начал крутиться, как карась на сковородке, переводила.

– Ракеш! – повернулся я к конторке. – Где этот «сервис»? Поехали за ноутбуком!

Ракеш, до этого еще по инерции улыбавшийся, как-то сник. Фигура его за полуперегородкой стала ужиматься, улыбка стала медленно сползать с лица и вскоре растворилась окончательно.

– Чего молчим? – мой бесстрастный тон и абсолютное спокойствие подействовали на обоих парализующе, как раскачивающаяся кобра перед броском. Оба знали мистера Сергея не первый день и не раз видели меня в гневе. Мое демонстративное хладнокровие было для них непривычно и потому действовало на партнеров по бизнесу устрашающе – всем известно, что обычно бывает перед бурей.

– Где ноутбук, орлы?! – поднажал я на психику.

Гордые орлы обреченно молчали, понунив головы – от бывшего шудиптовского нахальства и бравады не осталось и следа. Оба интуитивно чувствовали, что дальше может произойти страшное: как минимум прибыть прямо здесь в офисе и свинчу домой – полиция даже арестовать не успеет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.